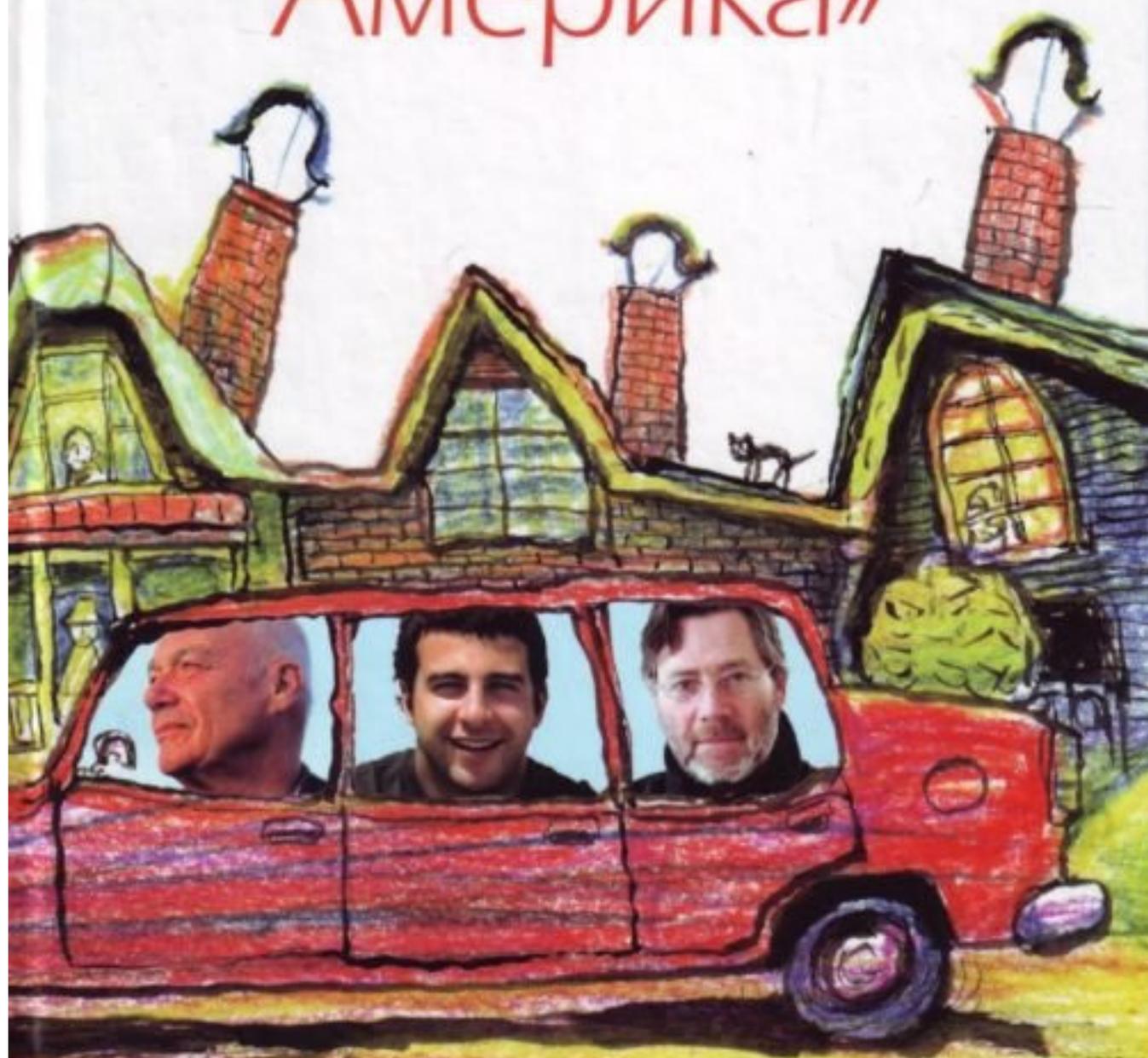

Владимир Познер
Брайан Кан Иван Ургант

«Одноэтажная
Америка»

Зебра Е

Владимир Познер
«Одноэтажная Америка»

«АСТ»

2008

Познер В. В.

«Одноэтажная Америка» / В. В. Познер — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-94663-604-9

Путешествие двух звезд российского телевидения и одного американского писателя по маршруту Ильи Ильфа и Евгения Петрова. «Одноэтажная Америка» – это осуществившаяся мечта Владимира Познера, мечта, к которой он шел 25 лет – с тех самых пор, когда прочитал одноименную книгу Ильфа и Петрова и загорелся желанием повторить их путешествие по Америке. 16-серийный документальный сериал «Одноэтажная Америка» с Владимиром Познером и Иваном Ургантом с огромным успехом прошел по Первому каналу. В книге, написанной как бы «по следам» фильма – то, что осталось за кадром. Города, события, история, лица. Такой Америки вы не знали!

ISBN 978-5-94663-604-9

© Познер В. В., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

«Одноэтажная Америка» Владимира Познера	5
Несколько слов по поводу	5
Необходимое признание и предупреждение	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	48
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Познер, Брайан Кан, Иван Ургант «Одноэтажная Америка»

«Одноэтажная Америка» Владимира Познера

Несколько слов по поводу

Так случилось, что к русскому языку я пришел позднее вас, читатель. Не стану объяснять, почему: история эта длинная, да к тому же относящаяся к давно прошедшим годам.

В связи с этим поздним приходом я стал читать русскую литературу в относительно зрелом возрасте, то есть я не «проходил» ее, как школьник, который часто рассматривает это не как удовольствие, а как скучную обязательку, а именно читал.

Учась на первом курсе биолого-почвенного факультета МГУ, я подружился с Семеном Милейковским, человеком весьма начитанным, несмотря на свои семнадцать лет, который познакомил меня с Ильфом и Петровым, точнее, с «Двенадцатью стульями». Познакомил довольно своеобразно, читая мне страницы за страницей чуть ли не шепотом, во время летней практики, когда не было никого рядом. Это был год 1953-й, и, хотя Ильф и Петров не числились среди писателей запрещенных, они и не были особенно разрешенными: после 1937 года произведения Ильфа и Петрова не переиздавались, видимо, ни «Двенадцать стульев», ни «Золотой теленок» не вписывались в идеологические каноны страны победивших рабочих и крестьян.

Тем более это относилось к «Одноэтажной Америке», о которой я хотел бы сказать особо.

В 1935 году Илья Ильф и Евгений Петров были откомандированы газетой «Правда» в Соединенные Штаты Америки для написания книги об этой стране. Это уже само по себе удивительно (тем более что у Ильфа были родственники, которые в свое время эмигрировали из России в Америку). В «Правде», главном печатном органе ВКП(б), ничего не появлялось случайно. По каким соображениям было принято решение послать двух писателей-сатириков в Америку, чтобы потом печатать их впечатления на страницах этой идеологической «библии» партии? Мы вряд ли узнаем ответ на этот вопрос. Потому ли, что всего лишь за три года до этого на пост президента США был избран Франклин Делано Рузвельт, и были установлены дипломатические отношения между СССР и США? Потому ли, что рассчитывали именно на сатирический талант писателей, которые представят советскому читателю американский капитализм «соответствующим» образом? Так или иначе, они поехали.

Прибыв в Нью-Йорк, Ильф и Петров провели там месяц, налаживая контакты и готовясь к поездке. Им, не знавшим английского языка и не умевшим водить машину, удалось найти американскую супружескую пару, которая согласилась быть их водителями-переводчиками, купили новенький «Форд» и отправились. Путешествие длилось ровно шестьдесят дней. Они проехали из Нью-Йорка, на Восточном побережье, до Калифорнии, на Западном, и обратно, побывав в двадцати пяти штатах и сотнях городов и населенных пунктах, они встретились с бесчисленным количеством американцев и, вернувшись домой, написали книгу. Книгу совершенно удивительную по нескольким причинам.

В ней сорок семь глав, причем известно, что семь глав они написали вместе, а двадцать – раздельно. Однако только специалист-текстолог способен определить, какие главы писал Ильф, а какие Петров. Это во-первых.

Во-вторых, ни Ильф, ни Петров не бывали раньше в Америке и не знали английского, что уже было отмечено, но это нисколько не помешало им необыкновенно тонко и точно почувствовать дух страны и народа. Я, человек, выросший в Америке и прочитавший множество книг о ней, полагаю, что «Одноэтажная Америка» не только лучшая книга, написанная иностранцами об Америке (за исключением исследования де Токвиля «О демократии в Америке» середины XIX века), но вообще одно из лучших «открытий Америки», с которым может сравниться разве что «В поисках Америки с Чарли» Джона Стейнбека.

Каким образом этим двум одесситам удалось всего лишь за три месяца разобраться в сложнейшей стране – для меня загадка. Сегодня, перечитывая «Одноэтажную...», понимаешь, что, по существу, они очень мало в чем ошиблись, если не считать, конечно, некоторых их оценок, касающихся, например, джаза и американского кино.

И еще: это был 1935 год, тяжелейшее время Великой депрессии, охватившей Америку, лишившей работы миллионы людей, но при этом ни Ильф, ни Петров не сомневались в способности американского народа выстоять, преодолеть кризис. Пожалуй, они ошиблись только в одном: сравнивая Советский Союз и США, они неизменно подчеркивали преимущества первой страны социализма перед главной страной капитализма: только что в СССР триумфально завершилась первая пятилетка, страна явно была на подъеме, об ужасах насильственной коллективизации знали немногие, массовые репрессии 1937–1938 годов еще были впереди. Как мне кажется, Ильф и Петров искренне верили в преимущества советского социализма. Восхищаясь достижениями американцев и Америки, они искренне возмущались социальной несправедливостью американского общества, и, хваля СССР, они не «отрабатывали номер», а с гордостью подчеркивали преимущества той страны, гражданами которой они имели счастье быть. Да, они заблуждались – что ж, заблуждались не только они.

* * *

В 1961 году, когда вышло пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова, я впервые прочел «Одноэтажную Америку».

Прошли годы. Я сменил множество работ – был литературным секретарем Самуила Яковлевича Маршака, ответственным секретарем журналов «Совет Лайф», «Спутника», комментатором Главной редакции радиовещания на США и Англию Гостелерадио. Именно там, в конце семидесятых, я стал регулярно выступать на разных каналах американского телевидения (делалось это по спутнику связи, поскольку я был невыездным). Приблизительно в это время я перечитал «Одноэтажную...» и тогда подумал: как было бы здорово повторить путешествие Ильфа и Петрова, но на сей раз для телевидения.

Эта мечта казалась совершенно нереальной. Я знал, что меня никогда не выпустят из страны – по крайней мере, так заявил мне в лицо какой-то генеральский чин с бычьим затылком. Как выяснилось, генерал заблуждался: не стало больше невыездных, пал «железный занавес», а с ним и главное препятствие на пути осуществления задуманного. Но должно было пройти еще много лет, судьбе предстояло выписать затейливые кренделя, должны были совпасть самые разные обстоятельства, звезды и планеты выстроиться определенным образом, чтобы все сошлось.

Потребовалось двадцать пять лет, но мечта осуществилась: мы – наша телевизионная группа – повторили путешествие Ильфа и Петрова, сняли документальный фильм «Одноэтажная Америка». Несмотря ни на что, все сбылось.

Как писал когда-то мой любимый Николай Васильевич Гоголь: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают».

Прав был Гоголь. Прав.

Необходимое признание и предупреждение

Признание заключается в том, что Брайан Кан и Владимир Познер – не Илья Ильф и Евгений Петров. Сходство определенное есть, конечно, но лишь поверхностное: и они, и мы совершили путешествие по Америке, проехав шестнадцать тысяч километров с Востока на Запад и с Запада на Восток. И они, и мы написали по этому поводу книгу с одним и тем же названием – «Одноэтажная Америка». На этом сходство кончается.

Они – первичны, мы – вторичны. Они вдохновили нас, а не наоборот. Они – замечательные писатели, можно сказать, классики, мы же, если и писатели, то уж никак не классики. Наконец, Ильф и Петров писали вместе, чего никак нельзя сказать о Кане с Познером. И последнее: для Ильфа и Петрова книга «Одноэтажная Америка» была главным и единственным итогом их путешествия. Наша книга состоит из наблюдений и размышлений, не вошедших в документальный фильм, она все-таки вторична: это путевые заметки, сделанные, как говорится, вслед.

Для россиян, которые не читали и даже не слышали о книге Ильфа и Петрова (а таких, как выясняется, на удивление много), хочу сказать, что, взяв название Ильфа и Петрова для своей книги, мы хотели лишь этим подчеркнуть свое восхищение ими, а поставив название своей книги в кавычки, мы тем самым даем понять, что оно не нами придумано и является на самом деле цитатой.

Глава 1

О том, как мы приехали в Нью-Йорк и не попали в Куперстаун

Мы в Нью-Йорке. Мы – это наша съемочная группа, состоящая из 12 человек:

– Режиссера Валерия Спирина, человека, напоминающего собой сонливого полярного медведя – во-первых, своими габаритами, как в смысле роста, так и веса, во-вторых, окрасом и в-третьих, повадками: он нетороплив в движениях и в речи, смотрит на вас чуть отстраненным голубым взором (голубоглазые полярные медведи встречаются редко, но встречаются), однако совершенно понятно, что будить его не надо, себе дороже.

– Операторов Влада Черняева и Михаила Козлова. Операторы – народ особый. Они, как правило, всё видели и всё знают. Прежде всего они знают, что самое главное – это картинка, то есть то, что они считают нужным снимать. Все остальное – это так, антураж. Эти господа в течение всей поездки щеголяли в каких-то полушортах, драных майках и сандалиях, которые явно видели лучшие дни. Я не могу сказать, что они смахивали на арабских террористов, но то, что они вызывали определенную настороженность у американской публики, – это факт.

– Звукооператора Ивана Нехорошева, человека с томным взглядом, который в свободное время разговаривал по сотовому телефону с каким-то невероятным количеством московских, а, возможно, и не московских друзей и поклонниц. Видимо, это его так отвлекало от происходящего, что он часто только в последний момент вспоминал, что надо «омикрофонить» того или иного участника съемок, и начинал суетливо носиться между аппаратурой и объектом, часто роняя микрофоны и путаясь в проводах.

– Грипа («спеца» по технике) Владимира Кононыхина, человека поразительного спокойствия, молчаливого, от которого веяло необыкновенно приятной уверенностью: все, что он делал, делалось точно и надежно. Невысокого роста, чуть полноватый, Кононыхин был всеобщим любимцем. Именно он придумал, как крепить камеры на кузов нашего джипа на хитроумных присосках так, что на любой скорости и при любых погодных и иных условиях они стояли столь же твердо и незыблемо, как Гибралтар.

– Исполнительного продюсера Алены Сопиной. О ней надо сказать особо. Ей надлежало организовать абсолютно все: договариваться с мотелями, где нам предстояло ночевать, устанавливать контакты со всеми объектами съемок, получать все разрешения, вести все финансовые расчеты, улаживать вопросы проката машин (а их было три), подбирать всю кинохронику тридцатых годов – всего не перечислишь. И еще работать переводчицей. Словом, на плечи этого юного и необыкновенно хрупкого существа лег груз совершенно непомерный. Когда что-то не получалось, неважно что, все претензии адресовались ей, Хелéне Сопиной (так она представлялась американцам, для которых имя Алéна и ударение на первом слоге ее фамилии оказались совершенно непостижимыми). Она выслушивала все молча, чуть потупив взгляд, и выражение ее лица говорило: «Что ж, это мой крест, вы, конечно, не правы, но спорить с вами нет смысла, уж такова моя участь». Ну просто Жанна д'Арк.

– Креативного продюсера Артема Шейнина. О нем американцы бы сказали, что *he is built like a brick shit house*, выражение, которое не имеет русского эквивалента, что-то вроде «он сложен, как кирпичная сральня». На самом деле, так говорят о человеке, состоящем из одних мышц. Невысокого роста, но весьма плотного телосложения, казалось, что Артем, подобно танку, может без особых усилий пройти сквозь каменную стену. Когда останавливалась наша кавалькада, Артем аккуратно стелил на асфальт пару газет и начинал отжиматься. Иногда он открывал заднюю дверь второго джипа, в котором он ехал со Спириным и Сопиной, упирался руками в расстеленные газеты, ногами взбирался на багажник, после чего снова начинал

отжиматься. Бывший афганец, служивший в десантных войсках, бритоголовый Артем Шейнин наводил военный порядок среди нашего разношерстного контингента и, кроме того, благодаря отличному владению английским языком, по совместительству служил переводчиком и «ловцом душ»: останавливал прохожих и объяснял им, как важно, чтобы они дали нам интервью.

– Водителей мини-автобуса, в котором ехала аппаратура, операторы, грип и звукооператор, Саши Манюхина и Зоряны Олескивой. Оба они эмигрировали в США из Украины. Они знали Америку и американские дорожные порядки хуже местных водителей, но, во-первых, свободно говорили по-русски и, во-вторых, были согласны работать за меньшую оплату, что для нас, считавших каждый доллар, было делом не последним. Саша, который неизменно носил какие-то немыслимые бахилы и совершенно черные носки, получил прозвище «Саша Носков» (автор – Иван Ургант). Что до Зоряны, то... Представьте себе валькирию из опер Вагнера: высокого роста, с гривой золотых волос и... с формами. От ее бюста и общей конфигурации Рубенс остолбенел бы в восторге. Когда она выходила на пляж (а такие случаи были) в бикини, мужская часть населения приходила в состояние полнейшего онемения. Кроме того, ее отличала необыкновенная заинтересованность во всем происходящем, и когда ей это удавалось, она присутствовала при интервью и в самое неподходящее время встревала со своими вопросами. Дитя природы, всегда улыбчивая, радостная, светящаяся.

– Продюсера проекта Надежды Юрьевны Соловьевой. Так сказать, начальник, босс. Она проехала с нами лишь часть пути, поскольку у нее были намечены и другие встречи, но душой она всегда была с нами. Пока все шло хорошо, она молчала, когда же нет, виновный мог услышать массу любопытного о себе, о своем будущем, о том, почему он здесь находится – словом, никому не хотелось быть вызванным ею на ковер. Ее всевидящее око следило за нами вне зависимости от ее присутствия – так, по крайней мере, нам казалось.

– Сведущего Ивана Урганта. Вряд ли есть необходимость знакомить вас с этим популярнейшим телеведущим. Но все-таки хотел бы сказать вот что: мы долго думали над тем, кто будет «Петровым» в нашей паре (я со свойственной мне скромностью решил, что «Ильфом» буду я). Поначалу руководство Первого канала предложило мне кандидатуру одного весьма известного эстрадного юмориста, чью фамилию не стану называть, известного тем, в частности, что он терпеть не может Америку и американцев. Я решительно этому воспротивился: не для того мы уехали в Америку, в конце концов, чтобы ее «мочить». Потом возникла кандидатура Леонида Парфёнова, но он, будучи главным редактором «Русского Ньюсуика», отказался из-за нехватки времени. Затем решили пригласить на эту роль Николая Фоменко, которому предложение страшно понравилось. Но и он, имевший к этому времени другие обязательства, тоже вынужден был отказаться. Вот тут-то кто-то вспомнил об Иване Урганте. Надо сказать, что это не вызвало у меня никакого восторга. Ну остроумен, ну обаятелен. Но настолько меня моложе, настолько из «другой жизни», что мне трудно было представить себе, как мы будем общаться, насколько возможен между нами «тандем». Скрепя сердце, я согласился – и был вознагражден. Иван оказался человеком не только остроумным и обаятельным, но и тонко чувствующим, необыкновенно любознательным, начитанным, легким в общении и – к счастью – совершенно лишенным «звездности».

– И я, Владимир Познер.

Итого двенадцать человек. Позже, уже в Детройте, к нам присоединился соавтор этой книжки, Брайан Кан, стопроцентный американец, который должен был выполнять функцию Мистера Адамса – но о нем я скажу позже, когда доберусь до этого самого Детройта.

Свою машину, совершенно черный «Форд-Эксплорер» по прозвищу «Генриетта» (о присвоении ей этого имени еще будет сказано), мы – Брайан, Иван и я – вели попеременно. Когда я не был за рулем, то чаще всего спал, то же самое делал Брайан, Иван же, растянувшись во весь свой немалый рост (194 см) на заднем сиденье (ах, какие же комфортабельные американские машины!), либо слушал музыку по своему АйПоду, либо смотрел кино на своем компьютере.

Второй «Форд» (прозвище «Алабама» – в соответствии с его номерами) вели то Артем, то Валерий. Замыкал нашу кавалькаду микроавтобус, получивший кличку «Карга» – искаженное на русский лад английское слово cargo (груз).

Вот в таком количестве и качестве наша съёмочная группа отправилась, чтобы открыть для себя – и для будущих зрителей – Америку.

* * *

Ильф и Петров приплыли в Нью-Йорк в начале октября. Среди множества впечатлений, полученных ими, отсутствует погода. Мы прилетели в конце июля, и самым первым нашим впечатлением была жара. Нью-Йорк летом – это пекло, в котором сам Вельзевул чувствовал бы себя как дома. Ртутный столбик зашкаливает за 40 градусов, в течение всего дня каменный город впитывает в себя жару, а после захода солнца жару отдаёт. Дышать нечем, и если бы не исправно работающие кондиционеры, а ими оборудованы практически все здания города, трудно представить себе, как бы люди здесь выжили. Хотя...

Кондиционеры появились относительно недавно, а люди и город – довольно давно. Что до жары, то она была всегда: свирепая, изнуряющая и влажная. Помню, как в моем детстве в июле у меня на глазах поджарили яичницу прямо на тротуаре.

Из сказанного не следует делать вывод, будто в Нью-Йорке не бывает холодно. Бывает. Даже очень. Как холодно? А вот как:

Много лет тому назад на Фултоновском рыбном рынке торговала рыбой некая мисс Бёрди. Ее лоток стоял прямо на улице, и около него круглый год горел небольшой костер, в который мисс Бёрди регулярно подбрасывала дощечки от разбитых деревянных ящиков. На ней всегда было надето несколько свитеров, толстые носки и ботинки на толстой же резиновой подошве. Подходя к ней, надо было спросить:

– Скажите, мисс Бёрди, как холодно бывает на Фултоновском рыбном рынке?

Переминаясь с ноги на ногу и подпрыгивая чтобы согреться, она отвечала:

– Мальчик мой, ты хочешь знать, как холодно бывает на Фултоновском рыбном рынке? Я тебе скажу вот что: поезжай на Северный полюс, найди самый большой айсберг, пророй в нем туннель до самой середины, разденься догола, сунь себе под мышки побольше снега, сядь голой задницей на лед – и тогда не будет и вполвину так холодно, как на Фултоновском рыбном рынке!

Мисс Бёрди уже давно нет, как, впрочем и самого рынка. Его уничтожили городские власти потому, говорят, что там правила мафия. Может быть, по этой, а может быть по иной причине, но там, где когда-то кипела торговля и в воздухе крепко пахло морской снедью, на лотках красовались разнообразные дары моря, осталось лишь несколько жалких строений.

Итак, жара.

Она сопровождала нас в течение всего нашего пребывания в этом городе, в котором я вырос и который нежно люблю. Кстати говоря, Нью-Йорк не допускает безразличия: его либо любят, либо терпеть не могут, середина отсутствует.

Изменился ли Нью-Йорк с тех пор, как побывали в нем Ильф и Петров? Конечно. Исчезли «надземки», которые со страшным грохотом проносились на уровне третьего этажа домов, расположенных на 3-й и 7-й авеню. Исчезли почти все пятиэтажные дома, на фасадах которых лепились пожарные лестницы. Появилось множество хай-райзов, то есть, домов высоких, этажей в сорок, но все-таки недотягивающих до звания небоскребов. Почти на каждом шагу можно встретить лотки на колесах (их привозят утром и увозят вечером, прицепив к небольшому грузовику), у которых можно подкрепиться утренним кофе с булочкой и купить все, от фруктов и овощей до хот-догов, гамбургеров, фалафела и много еще чего. В овощных лавках вместо итальянцев торгуют корейцы, и от «Маленькой Италии» под натиском разросше-

гося Чайна-тауна остались рожки да ножки. В Центральном парке, где прежде просто гуляли, поджарые жители Нью-Йорка бегают, катаются на роликовых коньках, мчатся на велосипедах; они же бегают трусцой и по улицам, не обращая никакого внимания на автомобильное и иное движение. Да, город изменился, но не изменилось в нем главное: характер.

Ильф и Петров писали: «Сейчас же с нами произошла маленькая беда. Мы думали, что будем медленно прогуливаться, внимательно глядя по сторонам, – так сказать, изучая, наблюдая, впитывая и так далее. Но Нью-Йорк не из тех городов, где люди движутся медленно. Мимо нас люди не шли, а бежали. И мы тоже побежали. С тех пор мы уже не могли остановиться».

Так было, так есть. Если вы встретите человека, который передвигается размеренной походкой, значит, он не родом из Нью-Йорка, а приехал откуда-нибудь из Монтаны или Айдахо, чтобы поглазеть на Эмпайр-стейт билдинг и иные достопримечательности этого города. Коренному жителю некогда глазеть, он спешит – принципиально, концептуально, как хотите. У него есть дело, а дело не терпит отлагательств. Рассказывают такую историю: какой-то приезжий обращается к проносящемуся мимо него жителю Нью-Йорка:

– Вы знаете, где находится Эмпайр-стейт билдинг?

– Конечно знаю! – бросает в ответ тот и мчится дальше.

Каков вопрос, таков ответ. Если спросили бы, как пройти к Эмпайр-стейт билдингу, тот бы объяснил, а спросили, знает ли он, где Эмпайр находится. Знает, конечно.

Уровень энергетики в этом городе не поддается измерению. Дыша этим воздухом, человек становится сильнее и моложе, шагает шире и быстрее, ему сам черт не брат, все как будто наэлектризовано, темп, темп и еще раз темп.

Нельзя не сказать о небоскребах. Когда приближаешься к Нью-Йорку по воде, они возникают вдруг, будто вынырнули, это захватывающее зрелище, глаз нельзя оторвать от знаменитого скайлайна – силуэта, от вида которого у меня всегда бывают мурашки по коже, к нему нельзя привыкнуть, он поражает. Как писали Ильф и Петров, «нью-йоркские небоскребы вызывают чувство гордости за людей науки и труда, построивших эти великолепные здания».

В Нью-Йорке мы забрались на смотровую площадку Эмпайра, побывали ночью на Тайм-сквере, где по-прежнему в это время светло, как днем, где миллионы электрических и неоновых лампочек и трубок уступили место плазменным экранам и прочим чудесам современного хай-тека, исследовали старый Нью-Йорк, ту часть города, которая при голландцах называлась Нью-Амстердам и где улицы бегут вкривь и вкось, а не строго под девяносто градусов друг к другу, полюбовались изумительным по красоте Бруклинским мостом и вспомнили историю о том, как немецкий инженер-иммигрант Джон Роблинг начал строить его в 1869 году, как он погиб при строительстве, как подхватил отцовское дело его сын Вашингтон, который, став инвалидом на строительстве, перепоручил это дело своей жене Эмили Уоррен Роблинг, которая довела-таки дело до конца. Мы попытались представить себе, как 24 мая 1883 года президент Соединенных Штатов Честер Артур и огромная толпа людей, шедших со стороны Манхэттена, встретили мэра Бруклина во главе бруклинской толпы на середине моста, как гремели приветственные пушечные залпы и выли сирены, а потом, как все эти люди подошли к балкончику дома, на котором сидели парализованный Вашингтон Роблинг и его жена Эмили, и низко поклонились им.

Были мы и в Гарлеме, который от старого Нью-Амстердама находится точно на таком же расстоянии, на каком Гарлем в Голландии находится от Амстердама. Судя по тому, что писали Ильф и Петров, они в Гарлеме не были, но он тогда был другим: местом для белых опасным, трущобным. Сегодня он возрождается: там никогда не было ни хай-райзов, ни небоскребов, строились очень красивые дома для людей весьма обеспеченных, которые потом, при появлении первых чернокожих жителей, оттуда бежали. Теперь эти здания восстанавливаются и отличаются совершенно неамериканской красотой, напоминая, скорее, Европу.

«Джаз можно не любить, в особенности легко разлюбить его в Америке, где укрыться от него невозможно. Но, вообще говоря, американские джазы играют хорошо». Так писали Ильф и Петров. Мне кажется, что они не очень понимали, что такое джаз. Может быть, под джазом они подразумевали разновидность американской попсы, от которой и в самом деле укрыться невозможно – как тогда, так и сейчас. Но джаз – это музыка для знатоков, я бы даже сказал, для избранных, в джазе надо разбираться ничуть не меньше, чем в музыке симфонической, классической. Джаз не встречается на каждом шагу, его надо искать – так было тогда, так обстоят дела и сейчас. В его поисках мы приехали в Гарлем, но и там нашли его с трудом в одном довольно хилом на вид ресторанчике, в котором играли три пожилых джентльмена, старшему из них – саксофонисту – был 91 год (!). Зрелище это было скорее печальное, чем музыкальное, что-то из области природы уходящей. Любитель этой музыки, Иван Ургант, сильно приуныл – мне даже показалось, что он вот-вот либо заснет, либо заплачет. Правда, в этот же вечер (кажется) мы побывали в клубе «Блю ноут», джазовой мекке Нью-Йорка, где получили полное удовольствие и довольно внушительный счет, искупленный, впрочем, удовольствием, которое доставили нам как виртуозные музыканты, так и сама атмосфера тихого восторга, странного братства, рождаемая джазом.

Среди удобств Нью-Йорка я непременно назвал бы такси. Не успели вы подумать, что вам необходимо такси, как оно тут как тут. Никаких очередей, поднял руку – через минуту садись. Правда, есть одно «но»: бесцеремонность нью-йоркцев. Собственно, бесцеремонны американцы в целом. Если, например, по эскалатору поднимается пара американцев, которым хочется поговорить, они, сойдя, могут запросто остановиться и, не обращая никакого внимания на идущих за ними людей, продолжать свою беседу. То же самое произойдет у входа в здание, у магазинного прилавка. Что до такси, то вы можете стоять на обочине с поднятой рукой, что вовсе не мешает нью-йоркцу обойти вас метра на три и тоже поднять руку, остановить «вашу» машину и сесть в нее. Философия простая – кто не успел, тот опоздал. В свое время Ильф и Петров отмечали, что «такси в Америке красятся в самые вызывающие цвета – оранжевый, канареечный, белый».

И правда, в разных городах такси красятся в разные цвета, в Нью-Йорке же – исключительно в желтый. Когда-то за рулем этих машин сидели белые американцы, которые прекрасно знали город и были интереснейшими собеседниками. Ныне найти белого водителя почти невозможно. Как правило, это восседающие в тюрбанах выходцы из Индии, Пакистана (один из редких белых водителей, с которым мне довелось ехать, презрительно сказал о них, что «это те, которые носят белье на голове»), Латинской Америки и Азии. Они плохо знают английский язык, еще хуже знают город и беспрерывно разговаривают по какой-то специальной связи со своими соплеменниками на абсолютно никому не понятном языке. Правда, иногда попадаются прелюбопытные личности, как, например, совершенно черный таксист, которого мы снимали. Он приехал когда-то с Берега Слоновой Кости, совмещает свою работу с выступлениями возглавляемой им музыкальной группы, продемонстрировал нам образец своего искусства (рэп), а на вопрос: «Что для вас значит быть американцем?» – ответил так:

– Значит, быть тем, кем хочешь, делать то, что хочешь, быть свободным, если только ты этим не ограничиваешь свободу другого.

Сомневаюсь, чтобы такое сказал бы таксист любой другой страны. И не только таксист.

* * *

Нью-Йорк – город ресторанный. Я не скажу, что здесь находятся самые вкусные рестораны в мире, но зато вам предлагается кухня любой страны – от аргентинской до японской. Есть рестораны, куда попасть не составляет никакого труда, есть рестораны модные, куда попасть

сложно и надо заказывать столик иногда за неделю или две, но есть один ресторан, куда попасть вообще нельзя. Нет, это я хватил, попасть, конечно, можно, но...

Далеко от центра Манхэттена, на Восточной 114-й стрит, в той части Гарлема, которая когда-то давно была итальянской, но уже давно стала пуэрториканской, находится ресторан «Рэо'с». Входишь – ничего особенного: справа барная стойка, слева вход на кухню, а прямо – зал не зал, комната на восемь примерно столов. Стены увешаны сотнями фотографий разных знаменитостей мира кино, искусства и политики, у одной из стен стоит музыкальный автомат сороковых годов. Кроме того, народ: все столы заняты, за барной стойкой не протиснется даже хорек, все помещение охвачено дурманящим запахом домашней итальянской кухни, стоит шум и гомон, и надо всем этим царит хозяин ресторана Фрэнки Пеллегрини. Следует сказать еще вот что: столики в «Рэо'с» не заказываются, а покупаются, скажем, на год, или на всю жизнь, при этом стол покупается на определенный день недели (кроме субботы и воскресенья, когда ресторан закрыт!). Допустим, вы купили стол на каждую среду, и предположим, что вы в какую-то среду прийти не сможете. В этом случае вы звоните и сообщаете, что ваш столик свободен, и вот тут-то позвонят какому-то счастливцу, который записался в очередь год тому назад и сообщат, что он может прийти в среду.

С Фрэнки Пеллегрини я знаком давно и обязательно хотел, чтобы мы снимали у него. Но это дело деликатное. Не только потому, что не все посетители ресторанов хотят стать объектами внимания телевизионщиков, но еще и потому, что к Фрэнки, помимо знаменитостей, ходят... ну, как вам сказать? Великолепно постриженные, с ухоженными руками, предельно модно, хоть и чуть броско одетые, с дорожными на пальцах перстнями и золотыми браслетами на кистях рук господ, которых, как вам кажется, вы точно видели... но где? Ах, ну да, конечно же! В кино! В каком? Ну, в «Крестном отце», или в телесериале «Сопранос». А когда этим людям что-то не нравится, могут последовать крайне неприятные события.

Так я стал называть Фрэнки: бесполезно. Телефон занят наглухо. В конце концов, сел в такси и поехал в «Рэо'с». Там не сервируют ни завтраков, ни обедов, поэтому было пусто – на кухне возился какой-то молодой человек. Я оставил ему записку с просьбой, чтобы Фрэнки созвонился со мной. Но звонка я не дождался и решил, на свой страх и риск, привести всю группу вечером. Подъехали часов в девять. Я просил никого не выходить из машин и сам пошел в ресторан. Как всегда, стоял дым коромыслом, как всегда, столы обходил Фрэнки Пеллегрини, шикарный, изящный Фрэнки в великолепно сшитом темно-синем костюме и бело-снежной рубашке с расстегнутым воротником. Фрэнки – типичный образец итальянца с юга: черные густые волосы, темно-карие, чуть навывкате, глаза, смуглая кожа, крупный нос, сверкающие белые зубы. Да, он итальянец, но во-вторых. Впервые, он американец, который никогда не забывает о том, что его дедушки и бабушки иммигрировали и начинали с нуля, и вот он, их внук, добился всего: славы, денег, успеха.

– Только в Америке, – говорит он мне, – где еще такое могло бы произойти?

Вечер удался на славу. Фрэнки вышел на середину зала, поднял руки, попросил всех сидеть тихо, представил меня как своего ближайшего и любимого друга, рассказал о том, что мы снимаем документальный фильм об Америке – и все пошло, как по маслу. Если, конечно, не считать, что я слегка злоупотребил. Стоя у бара, я не возражал, когда бармен по прозвищу Ники-жилет (по его словам, у него несколько сотен жилетов) раз за разом наливал то двойной виски, то двойной мартини – словом, на следующее утро я не мог вспомнить, что я сказал в своей прощальной речи. Более того, я не мог вспомнить, говорил ли я что-нибудь вообще.

Американцы обожают отдыхать, развлекаться, это у них называется *to have fun, to play*, и делают это они с энтузиазмом, изо всех сил. Но они с таким же энтузиазмом и тоже изо всех сил работают, я бы даже сказал, вкалывают. Нигде так не работают, как в Америке и, пожалуй, нигде так не «отдыхают» – ставлю кавычки, потому что отдых все же предполагает покой, чего американский «отдых» вовсе не предусматривает.

* * *

Прибывшие в Нью-Йорк в восьмидесятые годы XX века бабушки и дедушки Фрэнки Пеллегрини должны были пройти иммиграционный фильтровочный пункт на Эллис-айленд, на острове Эллис. Там ныне находится Музей иммиграции, куда мы и направились. На самой южной оконечности Манхэттена можно сесть на паром, который привезет вас сначала на Остров Свободы (Либерти-айланд), где высится Леди Либерти, она же статуя Свободы, а оттуда – на Эллис. Хоть и в будний день, но народу было тьма, все, конечно, туристы, но вовсе не иностранные, а американцы, приехавшие из разных штатов. Разглядывая их, я невольно вспомнил два наблюдения Ильфа и Петрова: «Больше всего американцы курят „Лаки Страйк“ в темно-зеленой обертке с красным кругом посередине, „Честерфилд“ в белой обертке с золотой надписью, и „Кэмел“ – желтая пачка с изображением коричневого верблюда». И еще: «Американцы по своей природе – жующий народ. Они жуют резинку, конфетки, кончики сигар, их челюсти постоянно движутся, стучат, хлопают».

Рассматривая американскую толпу, легко было убедиться в том, что ныне курить в Америке – не «кул», не круто. Даже на воздухе, где, в отличие от любых публичных помещений, курение не запрещено, почти не видно дымка, не слышно запаха горящего табака. В этом Америка преуспела. Как же добились этого? Понятно, не тем, что сумели довести до сознания всех вред курения – об этом знают даже аборигены в Австралии, но мир меньше курить не стал. Дело в другом: в Америке сумели сделать так, что курение оказалось не модным, чем-то скорее не совсем приличным, как ковыряние в носу. Сумели сделать из некурящего человека пример для подражания – и именно в Америке это сработало как нигде в мире. Американцы считают себя абсолютными индивидуалистами, полагают, что их страна, как никакая другая, прославляет и превышает всего ценит индивидуальность. Это – миф. Нет второго народа, который был бы так готов следовать моде, встроиться в то, что становится эталонным. Модно бегать трусцой? Вся нация бежит, тяжело переводя дыхание. Модно худеть? Нация тратит миллиарды долларов на приобретение чудо-лекарств, от потребления которых вы похудеете на неслыханное количество паундов за две недели. Моден в этом году желтый цвет – вся нация желтеет, словно лес осенью. На самом деле, стадное чувство гораздо более свойственно американцу, чем англичанину, французу, итальянцу или русскому, и это, возможно, одна из причин, почему так легко управлять этим народом.

И, конечно, американцы остаются жующим народом.

Рот у них занят постоянно – не только жвачкой, но чипсами, хот-догами, конфетами, мороженым, орешками и тому подобным. Буфет нашего парома непрерывно торговал, но очередь не уменьшалась до самой статуи.

Жара стояла такая, что под ногами асфальт слегка подавался. Очередь тех, кто желал попасть внутрь Мисс Либерти, растянулась на несколько сот метров. Мы все заметили, что американцы смотрят на эту леди влюбленными глазами, но еще не понимали, что мы являемся свидетелями лишь одного из проявлений американского патриотизма, о котором я еще скажу. Я вдруг вспомнил слова одной известной американской киноактрисы, сказанные мне вскоре после 11 сентября 2001 года:

– Знаете, если бы террористы взорвали статую Свободы, это было бы для нас хуже, чем то, что случилось с башнями-близнецами. Мы бы сошли с ума от горя и гнева.

Походив вокруг «дамы» с факелом и отсняв «натуру», мы, не проявив интереса к исследованию ее внутренностей, поплыли к Эллис-айленду и Музею иммиграции. Место это необыкновенно интересное, оно предоставляет посетителю возможность как бы стать одним из тех двенадцати миллионов, кто прошел здесь между открытием этого фильтрационного пункта в 1892 году и его закрытием в 1954-м. Необычно наглядно представлены пути иммиграции,

откуда, в какое время и из каких стран шла иммиграция, но, пожалуй, больше всего производит впечатление один экспонат, который отражает самую суть американского эксперимента. Представьте себе сделанный из пластмассы рифленый американский флаг длиной метров десять и порядка трех – высоты. Приближаясь к нему с одной стороны, вы видите звездно-полосатый стяг Соединенных Штатов Америки, но когда вы начинаете продвигаться вдоль него, вместо флага начинают появляться лица – черные, белые, желтые, мужские, женские, старые, молодые, детские, тысячи, десятки тысяч лиц тех, кто прошел здесь, кто приехал иностранцами, а потом, попав в американский «плавильный котел», стали американцами. А потом, пройдя в обратном направлении, вы видите, как лица постепенно сливаются в американский флаг.

Кстати, о «плавильном котле». За годы жизни и работы в Америке мне стало казаться, что котел начал барахлить, он уже не так уж и плавит. Скорее, можно говорить о «салате», разные части которого не сливаются воедино, а существуют рядом, все еще образуя нечто перемешанное, но не цельное. Некоторые, правда, утверждают, что и этого не стало, что новая иммиграция из Азии, Африки и Латинской Америки не смешивается с «настоящей» Америкой, словно вода и растительное масло. К этой теме я еще вернусь, но здесь скажу, что для человека, который хочет понять, нет, почувствовать Америку, посещение Эллис-айленда совершенно необходимо.

День был предельно насыщен, вечером, еле волоча ноги, мы с Иваном добрались до той самой гостиницы и того самого номера, в котором целый месяц провели Ильф и Петров. Они писали: «Поздно ночью мы вернулись в отель, не разочарованные Нью-Йорком и не восхищенные им, а скорее всего встревоженные его громадностью, богатством и нищетой».

Мы тоже не были ни разочарованы, ни восхищены – Москва ничуть не меньше Нью-Йорка, в ней богатства и нищеты тоже предостаточно, что, впрочем, мало кого тревожит. На самом деле, Нью-Йорк много богаче Москвы, мне иногда кажется, что, хотя и говорят, что деньги не пахнут, в этом городе запах денег ощущается. На Уолл-стрит, в финансовом центре Америки, если не сказать мира, Ваня Ургант присел около слива у обочины, откуда валил густой пар. Взмахами рук он направил пар на свое лицо и, несколько раз втянув его запах носом, сказал:

– Вот так пахнут деньги, дорогие мои.

В течение всей нашей поездки по этой сказочно богатой стране мы встречались с такой нищетой, что могло показаться, будто мы находимся в Бангладеш, и это, в самом деле, вызывало у меня не столько чувство тревоги, сколько недоумение: ну как может существовать такая бедность при таком богатстве? Американцы в этом смысле обладают каким-то особым зрением: они этого не видят. Все устроено так, что пути бедных и богатых не пересекаются почти никогда. Есть Нью-Йорк для богатых, есть для обеспеченных, есть для более или менее преуспевающих, а есть для бедных. Это совершенно разные районы города, они не похожи друг на друга, там все выглядит иначе – магазины, дома, сами улицы и их жители редко выходят за пределы своего... ну, как бы это сказать, не гетто, конечно, но территории.

Побывав в бывшем «Шелтон»-отеле, мы спустились и, собравшись группой, разбились о тротуар тарелку, после чего каждый взял себе один кусочек. На этом настоял наш режиссер Валерий Спирин. Как он объяснил, так заведено у документалистов; когда работа будет завершена, мы вновь встретимся и по кусочкам соберем эту самую тарелку. Если не соблюсти этот ритуал, сказал он, ничего из нашей затеи не получится. Я хотел спросить, гарантирует ли соблюдение ритуала успех нашему предприятию? Но почему-то не спросил...

* * *

Наутро мы стали грузиться в дорогу. Наш «грип» зафиксировал камеры на капоте нашего «Форда», вызвав тем самым живейший интерес проходивших мимо американцев. С трудом

мы втиснули в машины разнообразные ящики, баулы и чемоданы, и тронулись в путь. Путь этот лежал в Куперстаун, в штате Нью-Йорк, где находится Зал Славы всеамериканской игры, название которой «бейсбол». На этом настоял я, поскольку убежден, что понять американскую душу, не понимая сути бейсбола, совершенно невозможно.

Разумеется, у нас были подробнейшие карты, но предпочтение было отдано хай-теку под названием GPS. Штучка, конечно, донельзя удобная, но, как всегда, нет добра без худа: пользуясь только и всегда ею, люди разучатся читать карты, как, например, не могут в уме или с карандашом и бумагой умножать 8 на 9 дети, которые пользовались только калькуляторами. Вообще я заметил, что в Америке, в стране хай-тека, достаточно этому хай-теку дать сбой и все замирает. Слова «завис компьютер» произносятся с той же интонацией, как «конец света». В этом случае вполне на вид толковый регистратор превращается в совершенно беспомощного дебила, который не может ответить ни на один вопрос.

Саша Носков прикрепил к лобовому стеклу купленный нами аппарат GPS и ввел город назначения – Куперстаун, название улицы и номер дома, где расположен Зал Славы бейсбола, и мы поехали. И тут начались чудеса. Едем час, едем полтора часа – и никак не выедем из Нью-Йорка. Да и вообще я начинаю понимать, что едем не туда. А время дорого, мы еще должны успеть заехать в город Бикон, чтобы пообщаться с Питом Сигером, о котором будет сказано ниже.

Едем туда – не знаем куда. Наконец, мне приходит в голову гениальная мысль. Остановив наш табор, я спрашиваю:

– Саша, а вы ввели название штата? Город Куперстаун, штат Нью-Йорк?

Саша смотрит на меня с удивлением и отвечает: «А разве надо?».

Тут-то и выясняется, что, поскольку в Америке есть множество Куперстаунов, умная система глобального определения координат начинает искать их по штатам в алфавитном порядке, и первый в этом списке – штат Делавер, который нам совершенно не нужен. До Делавера мы, к счастью, не доехали, но не доехали мы и до Зала Славы бейсбола, уже не было на то времени. Так мне и не удалось объяснить нашей команде и в особенности Ване Урганту, что такое бейсбол, почему без понимания сути и души этой игры невозможно понять суть и душу Америки. Правда, в самом конце нашего путешествия представилась возможность познакомиться Урганта с великой американской игрой. Но он мало что понял.

Увы.

Глава 2

Пит Сигер и кое-что о гражданском обществе

Городок Бикон лежит к северу от города Нью-Йорка, часах в полтора езды, на самом берегу реки Гудзон. Там живет мой друг и учитель, народный певец, мудрец-мыслитель, борец за все, за что только надо бороться, Пит Сигер.

Я познакомился с ним лет в одиннадцать или двенадцать, когда на уроке пения в класс вошел «стручковая фасоль», как в Америке называют человека столь длинного, сколь и худощего. У «фасоли» на одном плече висела невиданных размеров гитара (как потом оказалось, двенадцатиструнная), на другом – банджо. На нем были джинсы, клетчатая с открытым воротником рубашка и какие-то здоровенные и давно не чищенные бахилы. Ничего не сказав, он снял с плеча и положил на рояль гитару и начал потихоньку перебирать струны банджо. Мы все сидели, как замороженные. Потом он тихо сказал:

– Привет, меня зовут Пит Сигер, я – ваш новый учитель музыки. Кто здесь любит петь?

Строго говоря, никто из нас петь не любил, точнее, не любил урок музыки, на котором довольно пожилая очкастая дама, сев за рояль, заставляла нас петь всякую чушь. Но Пит был совсем не похож на учителя музыки и, как потом оказалось, мы все любили петь.

Пит влюбил нас, и меня в первую голову, в американскую народную музыку. У американцев есть легендарная, почти былинная личность – Джонни Апплсид, Джонни Яблочное зерно – который, как явствует из его прозвища, ходил по Америке, разбрасывая яблочные зерна. На самом деле, это был реальный человек, имя его – Джон Чапман, он родился в 1774 году и еще при жизни прославился не только тем, что сажал яблоневые сады, но и своей любовью к животным и тем, что мы сегодня назвали бы борьбой за сохранение окружающей среды. Джон Чапман был высокого роста, худощав и главным своим делом считал сеяние добра.

Пит Сигер – современный Джон Чапман, вполне легендарная фигура. Перечисление всего того, что он сделал за свои восемьдесят три года, потребовало бы написания отдельной книги, так что ограничусь лишь одним: он добился чтобы была построена шхуна, на которой вместе с командой единомышленников плавал по Гудзону; парусник «Клируотер» («Чистая вода») заходил в города, в которых Пит устраивал концерты и призывал всех присоединиться к движению за очищение почти уже задохнувшейся от загрязнений реки. И что же? Сегодня в Гудзон вновь вернулись исчезнувшие, казалось навсегда, осетры, не говоря о других, более прихотливых рыбах, в его водах можно безо всяких опасений купаться, да что купаться, эту воду можно пить.

Сигер живет со своей женой Тоши, американкой японского происхождения, в доме, который он построил собственными руками. Дом расположен идеально – на высоком холме, откуда открывается красивейший вид на Гудзон. Туда мы и прибыли всей командой, прибыли с полтора-часовым опозданием. Пит и Тоши уже собирались на таун-митинг, то есть на собрание жителей городка, и мы договорились приехать туда после того, как немножко поснимаем в доме.

Собрание проводилось у самого берега Гудзона. Участники принесли разного рода холодную и горячую еду (на наш коллективный взгляд, не очень вкусную), с тем, чтобы подкрепиться до начала работы. Кроме того, кое-кто принес с собой музыкальный инструмент – гитару, мандолину, губную гармошку, поскольку в программу обязательно входило поиграть и попеть. Пит замечательно играет на гитаре и на банджо. Увы, он больше не поет – голоса нет: он так наэксплуатировал за эти годы свои голосовые связки, что они стали отказывать ему. Говорит он тихим, чуть сирым голосом, но петь не может. В свое время пел, как он говорит, «расщепленным тенором», голосом высоким и абсолютно узнаваемым из-за некоторой подхриповатости – той самой «расщепленности».

Мы понаблюдали, как эти американцы – человек двадцать или тридцать – поев, попив и попев – сели обсуждать свои дела. Я совершенно точно видел, что наша группа вообще не понимает, что происходит. А происходило то, что практиковалось еще в колониальное время, задолго до возникновения Соединенных Штатов, иначе говоря, то, что существует в Америке уже около трехсот лет: Town meeting, Собрание городка. Именно городка, потому что таун-митинг – это не просто митинг, то бишь собрание, это местный орган власти для населенного пункта, жители которого пожелали считать свое местообитание тауном (городком), а не сити (городом). Так вот, в городе управление осуществляется городской властью, муниципалитетом, а в городке – именно таун-митингом, то есть самими жителями. Я не вдаюсь в тонкости и подробности, но нет никакого сомнения, что из всех форм демократического правления эта – самая демократическая.

Не так важно, что обсуждалось на этой встрече, важно как это обсуждалось: спокойно, деловито, с соблюдением всех правил и – а это было главное для нас, несколько ошалевших от происходящего – с абсолютной уверенностью в том, что принятые ими решения будут выполняться потому хотя бы, что это их городок, что в ответе за него именно они, и как они решат – так оно и будет.

Американская демократия в действии. Еще будет повод более подробно и предметно поговорить на эту тему, но важно, что в самом начале пути мы столкнулись с этим сугубо американским явлением. Хотя вдруг вспомнил, что у него были предшественники: афинская ассамблея, новгородское вече, антельглезия средневековых басков и проходящие по сей день два раза в год собрания жителей порядка девяноста процентов всех кантонов Швейцарии.

По окончании собрания мы сели с Питом на пирсе. Уже было темно, наши световые приборы бросали желтые блики на окружающую нас воду Гудзона, и Пит тихо отвечал на мои вопросы:

– Американская мечта существует по-прежнему? То, что когда-то называли американской мечтой, это еще что-то значит?

– В каком-то смысле да. А в каком-то ее не существует уже давно. В 1890 году тогдашний президент Резерфорд Хейз на встрече с миллионерами сказал: «Согласитесь, в нашей стране, Америке, давно нет правительства народа, созданного народом и для народа, как говорил об этом Линкольн в своей известной геттисбергской речи. Это страна богатых для богатых». А сегодня можно добавить: и корпораций.

– Существует ли некий «средний американец»?

– Я думаю, лучше всего под определение среднего американца подходит человек, который много смотрит телевизор, особо не читает газет и страдает избыточным весом... Думаю, средний американец привык говорить то что он думает, безо всякой опаски. Если ему сказать: не говорите этого, то средний американец ответит: это же Америка, у всех есть право на свое мнение.

Пит говорил, а я не мог оторваться от совершенно голубых, совершенно детских глаз худющего и длиннющего человека, который с полным, не допускающим никаких сомнений, убеждением говорил:

– Пока мы умеем смеяться, мы одолеем.

* * *

Американцы, конечно, наивны, это факт, и мы, европейцы, посмеиваемся над ними с высоты своего многовекового опыта. Мы, европейцы, скорее, скептичны, а то и циничны, мы-то знаем, что старайся не старайся, все равно не получится, или получится не то, чуть ли не каждое предложение – это я имею в виду Россию – начинают с отрицания, со слова «нет», например, «нет, но...». Американцы никогда не начинают с отрицания. Мы ищем доводы в

пользу того, что данное предложение осуществить невозможно, американец сразу ищет способы, как добиться поставленной цели. Мы знаем, что ничего не получится, а он, американец, этого не знает – и потому у него это получается, и Америка оставляет всех далеко позади. Иногда незнание оказывается необыкновенно полезным, мощным стимулом прогресса: ведь если не знать, что тяжелый предмет летать не может, то даже не попытаешься построить летательный аппарат, а вот если этого не знать, то...

Американская демократия в значительной степени родилась в противовес общепринятому мнению, что существующий монархический порядок незыблем. Это мы сегодня легко и непринужденно оперируем такими терминами, как «права человека» и «свобода печати», но когда эти понятия появились в Билле о правах в декабре 1793 года, это было неслыханно, невероятно и невозможно.

Только американцы того времени, особенно Томас Джефферсон, не знали об этом.

Глава 3

Как «позор у озёр» превзошел все наши ожидания

Город Кливленд, что стоит на берегу озера Эри, одного из пяти Великих озер Северной Америки, не входил в маршрут Ильфа и Петрова. В этом нет ничего удивительного: в те годы Кливленду особенно хвастаться было нечем, если не считать того, что именно в этот город приехал совсем мальчишкой Джон Д. Рокфеллер, и именно там он заложил фундамент своего сказочного состояния.

Город, правда, был мощным сталелитейным центром, но, это, пожалуй, и все. Таким центром он оставался и во время Второй мировой, и после, но потом настали для Кливленда тяжелые времена, да и не только для него. Американская сталелитейная промышленность оказалась неконкурентоспособной в борьбе с японской, и она умерла. На ее месте образовался так называемый «ржавый пояс Америки», десятки городов и городков, которые обязаны были своему рождению и расцвету стали и железу, а потом захирели. Среди них Кливленд оказался таким неудачником, что получил прозвище «Позор у озёр», и мы не приехали бы туда, если бы...

Вынужден совершить некоторое отступление.

Несколько лет тому назад у очень близкого и дорогого мне человека была выявлена проблема с одним из клапанов сердца. В результате поисков лучшего специалиста по этому вопросу я вышел на кардиохирурга Делоса Косгроува, заведовавшего тогда отделением кардиологии Кливлендской клиники, куда мы и поехали, предварительно созвонившись. Диагноз был подтвержден, последовала операция по замене клапана, и за это время мы с доктором Косгроувом подружились. Так вот, и Косгроув, и теперь уже возглавляемая им клиника произвели на меня неизгладимое впечатление. Они и явились причиной нашего приезда в этот город, этот «позор у озёр», который, правда, за последние годы постепенно вновь встает на ноги, вновь становится успешным и привлекательным, почему получил и второе прозвище, «Comeback city», что можно перевести как «город, сумевший вновь вернуться», но по-русски я назвал бы его «ванькой-встанькой».

Пока добирались до Кливленда, мы лишний раз смогли убедиться в наблюдательности Ильфа и Петрова, отметивших странную склонность американцев давать своим абсолютно захолустным городкам самые пышные названия: Сиракузы, Помпеи, Батавия, Варшава, Каледония, Ватерлоо, Женева. Въехав же в Кливленд поздно ночью и слегка поплутав по его улицам, мы увидели, что и они отличаются весьма громкими названиями. Например, наша гостиница, расположенная рядом со зданием клиники, называлась Юклид авеню, по-русски авеню Евклида. Могу дать голову на отсечение, что если остановить сто человек прохожих и спросить их, кто такой этот самый Юклид, по авеню имени которого они ходят, в лучшем случае ответят трое, не больше.

Наутро наша съемочная группа отправилась в клинику. Тут, наверное, следует сказать, что полное название этого учреждения – The Cleveland Clinic Foundation, что следует перевести как Фонд Кливлендской клиники. Это лечебное заведение было создано четверью врачами вскоре после окончания Первой мировой войны и давно считается одним из десяти лучших в Америке.

Ваня Ургант выразил удивление по поводу того, что такой мощный центр находится в таком, в общем, второстепенном городе.

– Почему не в Нью-Йорке – вопрошал он, – ведь туда легче добраться, да и возможностей побольше?

Соображение типичное для жителя России, где все всегда было предельно централизовано и где все лучшее и самое влиятельное – от науки и политики до образования и искусства – сосредоточилось в Москве и Санкт-Петербурге. В Америке все обстоит иначе: лучшие учеб-

ные заведения, такие как Гарвард, Йель, Массачусетский технологический институт, Принстон и другие, находятся не в Нью-Йорке и не в Вашингтоне, а что до лучших клиник и больниц, то они рассредоточены по всей стране. Нет ни малейших сомнений, Америка сильна, в частности, этой рассредоточенностью, отсутствием суперцентрализации, тем, что житель Нью-Йорка или Вашингтона не будет иметь доступа к школам, университетам и больницам более высокого уровня, чем тот, который живет в Канзас-сити, Омахе или... Кливленде. Как так получилось, по каким причинам, вопрос сложный, но, как мне кажется, люди, бежавшие от коронованных особ Европы в XVII–XVIII веках, приобрели устойчивый иммунитет к централизованной власти, а если не иммунитет, то аллергию. Недаром каждый штат, начиная с самого начала существования США, когда штатов было всего тринадцать, отстаивал свои права, свою независимость от федерального правительства, недаром в Конституции записаны и специально оговорены права штатов и их независимость от центра...

* * *

Кабинет доктора Косгроува лишен каких-либо украшений, если не считать стеклянной вазы, в которой разложены спиралью карандаши: все они наточены одинаково и до предела, все они стоят грифелем вверх, все они желтого цвета, все они одного размера, от них веет уверенным порядком. Входит председатель правления Фонда Кливлендской клиники. Я протягиваю руку и говорю:

- Доброе утро, доктор Косгроув, я...
- Тоби, – пребывает он меня, – зовите меня Тоби.

Откуда взялось это прозвище – не знаю, хотя о его носителе знаю довольно много. Например, что он – отчаянный яхтсмен, который не раз принимал участие в самой престижной регате в мире – Кубке Америки; знаю и то, что он служил врачом во Вьетнаме во время войны. Знаю, что поступил в престижнейшую Медицинскую школу Гарвардского университета, мог остаться там, но по окончании погрузил свой скарб в мини-грузовик и отправился в Кливленд, поскольку из газеты узнал о наличии в клинике свободных мест и должностей, которых он дождался бы годами, останься он в Гарварде. Наконец, знаю, что Тоби Косгроув – выдающийся кардиохирург и ученый, один из изобретателей искусственного клапана сердца. Он роста высокого, по-спортивному подтянут, и все у него крупное, какое-то истинно мужское, по крайней мере, так мне показалось: крупные руки, крупные черты лица...

– Тоби, – начал я, – расскажите нам о Фонде Кливлендской клиники, что отличает ее от других медицинских учреждений Америки?

Вот суть его ответа:

Большинство больниц в Америке не имеют штатных врачей. Они управляются администрацией. Врачи же просто используют оборудование этих больниц для своей частной практики. Таким образом, пациент платит по двум счетам: больнице – отдельно, врачу – отдельно. В Кливлендской клинике все иначе. В 1921 году четыре врача решились посягнуть на незыблемые устои американской медицины. Их имена: Джордж Крайл, Фрэнк Бантс, Вильям Лоуэр и Джон Филипп.

– Они решили, что откажутся от своих личных гонораров... Всех перевели на зарплату, больница стала единым учреждением, а все доходы теперь шли на ее развитие...

– ...И здесь по-прежнему такая система?

– Да, это по-прежнему один из принципов нашей работы... За время работы здесь я подписал порядка тридцати контрактов, я такой же сотрудник, как и все остальные в клинике.

Врачи, работающие в клинике, получают заработную плату – и только. Если в Америке обычно хирург, например, не является штатным сотрудником больницы, а пользуется ею в

качестве операционной базы и получает за операцию отдельную (и весьма высокую) плату, и пациент таким образом платит дважды – больнице за койку, медикаменты и уход, и хирургу за операцию, то в Кливлендской клинике хирург ничего не получает за операцию, он живет на зарплату. Это существенно снижает стоимость лечения. Кроме того, больница для врача становится «своей», а не просто местом, куда он приходит от случая к случаю. Наконец – и это совершенно не характерно для американской системы здравоохранения, здесь согласятся лечить даже того, у кого нет ни денег, ни медицинской страховки.

Ильф и Петров писали об американской системе здравоохранения, что она больше похожа на «налет бандитов, чем на человеколюбивую медицинскую помощь».

С тех пор ничего по существу не изменилось. Порядка сорока семи миллионов американцев не имеют медицинской страховки, без которой невозможно рассчитывать на лечение – оно настолько дорого, что лишь очень немногие могут оплачивать его. Сорок пять миллионов – это пятнадцать процентов населения США, которые фактически не могут рассчитывать на медицинские услуги. Почему это так? Тоби Косгроув отвечает:

– Это на самом деле любопытно. Давайте поговорим об этом. Этим людям можно разделить на три группы. Треть из них в принципе может себе это позволить, но им двадцать два года, им кажется, что они абсолютно здоровы, так что они просто об этом не думают. Это треть. Еще одна треть пациентов подпадает под программы Медикэр и Медикэйд или другие схемы финансирования...

– Им 65 лет и старше?

– Да, и у них нет необходимости покупать страховку. Это вторая треть. И еще порядка пятнадцати миллионов человек в Соединенных Штатах действительно не могут себе это позволить, и при этом они не подпадут ни под одну программу, по которой они могли бы лечиться... Это действительно серьезная проблема...

Все-таки поразительно. Американская медицина справедливо считается одной из сильнейших в мире. Но сама система здравоохранения, вне всякого сомнения, является одной из худших. Любые попытки сделать лечение общедоступным, как, например, в Канаде, встречают отчаянное сопротивление Американской медицинской ассоциации (АМА), это объясняется сугубо материальными интересами врачей (чтобы не сказать жадностью). Есть сопротивление и со стороны лоббистов и политических деятелей разных уровней. Они тоже твердят об опасности «введения социалистической медицины».

Надо ли говорить, что подавляющее большинство американцев не имеет ни малейшего представления о том, что такое социализм? Зато они совершенно точно знают, что это нечто ужасное, угрожающее самим основам столь дорогого им американского образа жизни. За годы противостояния между СССР и США удалось сформировать у американцев реакцию на слово «социализм», которую я сравнил бы с условным рефлексом по Павлову: раздается «звонок» – слово «социализм» – и субъект начинает выделять слюну.

Кстати, американец необыкновенно легко поддается идеологической обработке. Возможно, это объясняется его наивностью, тем, что он крайне мало знает о внешнем мире, еще меньше интересуется им, но это факт: там, где европеец усомнится и скорее скептически воспримет политические лозунги и трафареты, американец проглотит не только наживку, но и леску вместе с грузилом. Это по разительное отсутствие знаний доходит до курьезов. Помню, как один вполне преуспевающий господин спросил меня, правда ли, что Леннон был родственником Ленина (по-английски фамилии Lennon и Lenin звучат почти одинаково).

Еще Ильф и Петров с удивлением отметили то, о чем пишу я: «В характере американского народа есть много чудесных и привлекательных черт. Это превосходные работники, золотые руки... Американцы точны, но далеки от педантичности. Они аккуратны. Они умеют держать свое слово и доверяют слову других. Они всегда готовы прийти на помощь. Это хорошие товарищи, легкие люди.

Но вот прекрасная черта – любопытство – у американцев почти отсутствует».

Это правда. Надо полагать, что не каждый день встречаются в Америке съемочную группу из России. Но ни в самой клинике, ни в каком-либо другом месте нам не задавали никаких вопросов, кроме одного: меня покажут по телевидению?

Правда и то, что Ильф с Петровым сказали о том, как американцы работают – чему мы получили подтверждение, в частности, в Кливлендской клинике: в громадных зданиях этого гигантского медицинского центра царит образцовый порядок, нет ни малейших сомнений в том, что каждый – от главного врача до последнего санитаря или секретаря – превосходно знает свой маневр. Чистота образцовая, но не больничная в традиционном смысле, нет ни удручающего белого цвета стен, ни специфического больничного запаха, что и было отмечено Ваней Ургантом. Поразило его и то, что атмосфера совсем не больничная: люди бодро улыбаются, никаких скорбных лиц, никакой печали, и в операционной, куда пустили нас после того, как мы сменили два вида одежды и совершили необходимое умывание, тихо играла джазовая музыка, пока команда хирургов совершала тончайшую многочасовую операцию.

Когда мы с Ваней вернулись из операционной в раздевалку, с нами случилась забавная история. Еще когда мы переодевались, нам выделили шкафчики для одежды и замки для их запираания. Я просто не поверил своим глазам – это были точно такие же стальные с кодом замки, какими мы запирали свои школьные шкафчики в моем детстве. Дали нам и написанный на бумажке шифр для отпираания замка. Так вот, запереть шкафчики удалось без всякого труда, а отпереть... Мы так и так старались, столько-то поворотов направо до такой-то цифры, столько-то налево, но замки не открывались. Ваня стал возмущаться, что нет американца, который не мог бы пользоваться такими замками, а мы какие-то недоделанные, не умеем. В конце концов мы с Ваней сдались и попросили о помощи. Один из врачей отпер замки с такой легкостью, что мы почувствовали себя личностями бездарными и никчемными, а я отметил про себя, что то, что я делал в детстве не задумываясь и без усилий, то, что умеет делать любой американец, я делать разучился. Обидно.

Клиника и ее работники произвели на всю нашу съемочную группу колоссальное впечатление. Почему примеру этого удивительного учреждения до сих пор не последовало все американское здравоохранение – вопрос, который для меня остается открытым...

* * *

Смотреть в Кливленде особенно нечего: как многие другие американские города, он вполне стандартен. В деловом «даунтауне» торчат, словно пальцы одной руки, сиротливые небоскребы, по сути дела, нет никакой архитектуры, если не считать Зала Славы рок-н-ролла, спроектированного великим американским архитектором китайского происхождения И. М. Пеи. Впрочем, есть район красивый, и, как оказалось, весьма для нас интересный. Имя ему «Шейкер Хайтс».

Поначалу это было самостоятельное поселение, которое обосновала религиозная группа «Шейкеры» («Трясуны»), но оно давно стало частью Кливленда, да не просто частью, а очень и очень элитарной частью. Перед превосходными особняками простираются ухоженные газоны и растут старинные деревья. Здесь живут люди денежные, в том числе и такие, которые стали богатыми в первом поколении. Они-то нас и интересовали.

Первой в нашем списке значилась Сидел Миллер, миловидная миниатюрная блондинка, создавшая вместе с мужем компанию по выпуску предметов женской красоты. Все началось с маленькой парикмахерской мужа, там они решили наладить выпуск накладных ресниц, сделанных из натурального волоса. Это оказалось необыкновенно успешной удачной идеей, при-

шли первые деньги, которые они вложили в долгосрочный проект: воспитание нового типа парикмахера.

– До этого времени, – сказала Сидел Миллер, – отношение к парикмахеру было плевое, сами представители этой профессии не гордились своим делом, в них не было чувства собственного достоинства. Мы с мужем решили, что это неправильно. Ведь парикмахер – это человек, который физически дотрагивается до вас, мы позволяем делать это только врачу, больше никому. Парикмахер – это еще и психолог, с ним делятся, с ним советуются. Вот мы и решили сделать из парикмахера человека, уважаемого другими и чувствующего свое значение. Мы для этого наняли психолога, затем создали школы, не только в Кливленде, но и во многих других городах. Одновременно с этим мы придумывали много другого – в наших салонах красоты мы стали предлагать самые разные услуги – массажи, например, мы создали новые кремы-вымы!!!...

Одним словом, Сидел и Арнольд Миллер, начав с нуля, выстроили мощнейшую и популярнейшую фирму.

Очень похожую историю рассказал нам Ларри Поллок, сын беднейших иммигрантов из Минска, человек, который начал работать с 14 лет и который, пройдя через множество испытаний, сегодня является владельцем крупнейшей сети книжных магазинов «Бордерс».

Когда я спросил и ее, и его, как обстоят дела сегодня со знаменитой американской мечтой о том, что в Америке любой человек может добиться всего, что он захочет, я получил на удивление похожие ответы. Сидел Миллер:

– Если вы способны усердно работать, готовы работать с людьми, здесь, в Соединенных Штатах, вы можете добиться всего, чего желаете. Все возможно. Это требует времени, терпения и огромного труда. Но это возможно.

Ларри Поллок:

– Я верю, что если много работать и сосредоточиваться на работе, вы сможете хорошо заработать... И один из великих принципов, который является частью американской мечты, – это возможность отдавать что-то, тем самым помогая другим людям. Об этом вы можете судить по клинике в Кливленде, которую спонсируют частные лица.

Не все американцы согласятся с этим. По ходу нашего путешествия мы встречали людей, которые говорили, что американская мечта еще реальна, но не так, как это было когда-то, а некоторые говорили, что ее больше не существует и вовсе. Но таких было мало. Подавляющее большинство верит в эту мечту – и именно поэтому она реальна.

Есть еще одно соображение, о котором я, возможно, уже писал, но считаю столь важным, что повторюсь: человек часто добивается невозможного именно потому, что он не знает, что это невозможно. В американском характере есть, по-моему, одна совершенно уникальная черта – убеждение, что все возможно. Это сродни ребенку, который берется делать то, что взрослый делать не будет, потому что он, взрослый, знает, что ничего из этого не выйдет. Ребенок этого не знает, он просто делает – и часто преуспевает.

Кливлендская клиника тому подтверждение.

Глава 4

Sic transit gloria mundi

Мы на своем «Форд-Эксплорере» въехали в его роддом – на завод Форда в городе Дирборне.

Я не знаю, что чувствовала наша «Генриетта», вернувшись к месту своего рождения, мы же не могли оторвать глаз от этого гигантского заводища. Поражены были в свое время и Ильф с Петровым, но как же различается то, что видели они и видели мы:

«День был ужасен. Холодная водяная пыль носилась в воздухе, покрывая противным гриппозным блеском крыши, бока автомобилей и низкие здания Мичиган-авеню, соединяющей Дирборн с Детройтом... Улица кончилась. С высоты эстакады открылся суровый индустриальный вид. Звонили сигнальные колокола паровозов, разъезжающих между цехами. Большой пароход, свистя, шел по каналу, направляясь к самой середине завода. В общем, здесь было все то, что отличает промышленный район от детского сада, – много дыма, пара, лязга, очень мало улыбок и счастливого лепета. Тут чувствовалась какая-то особая серьезность, как на театре военных действий, в прифронтовой полосе...».

Наш же день был прекрасен. Яркое солнце освещало белоснежные громадины цехов, не было видно ни дыма, ни пыли, а в самих цехах не было ни пара, ни лязга. Не звонили паровозные колокола, не свистели пароходы. Было на удивление тихо. Потом мы выяснили, что пароходы давно не являются средством транспорта заводской продукции, а паровозы заменены современными электровозами, которые, как известно, в колокол не бьют. Изменились в не меньшей степени цеха: они светлые, чистые, оборудованы мощными кондиционерами, а что до конвейеров, то с ними произошла удивительная метаморфоза: не они двигаются, а двигается пол, на котором стоят сборщики. И самое поразительное: крыши цехов сделаны из стальной сетки, покрытой растительностью. Газон не газон, а плотная растительность, которая не пропускает воду, но пропускает воздух, удерживая при этом тепло зимой и прохладу летом. На этой «живой крыше» даже гнездятся птицы – мы с Иваном просто опешили, когда увидели, как при нашем приближении взлетел – нет, не голубь, а ястреб!

Все, кажется, замечательно, но...

Было время, когда Америка была не просто ведущей автомобильной державой мира, она была единственной, ни одна страна не могла сравниться с ней. Первую роль в этом сыграл как раз Генри Форд, ведь именно он считал, что автомобиль должен быть доступен каждому американцу, а не элите, как это было в Европе. Именно массовый автомобиль явился мощнейшим импульсом для всей американской индустрии, именно автомобилестроение подтолкнуло строительство знаменитой всеамериканской дороги. Можно сказать, что американский автомобиль стал локомотивом всей американской экономики. Но оторвавшись от всего остального мира и будучи совершенно уверенными, что ни одна страна не сможет бросить вызов, и «короли индустрии» стали почивать на лаврах. Не успели они оглянуться, как ведущей автомобильной державой стала Япония, машины, выпускаемые «Хондой», «Мицубиси», «Тойотой», захватили треть американского рынка, к тому же на пятки стали наступать «Фольксваген», «Ауди», «BMW» и «Мерседес».

Когда-то в детстве я придумал такую игру: когда я шел по улице, я подсчитывал сколько машин какой марки припаркованы на моей стороне: побеждал то «Бьюик», то «Форд», то «Шевроле», из машин шикарных дуэль шла между «Кадиллаком» и «Паккардом», иностранные же марки почти никогда не попадались. Когда я теперь приезжаю в Нью-Йорк, я играю в другую игру: каких машин будет больше, американских или иностранных, и неизменно побеждают последние. Правда, в «серединной» Америке и, конечно, в сердце автомобильной промышленности – Детройте и Дирборне – больше машин американских. Скорее всего, это

связано с большей консервативностью проживающих там жителей и, возможно, с некоторым чувством патриотизма. Но факт остается фактом: иномарки теснят марки национальные. Объяснение простое: они лучше американских, реже выходят из строя, экономичнее и лучше держат дорогу. Если они и уступают в чем-то, так это в комфорте, качестве, которые для американца имеют первостепенное значение.

Как-то мне в голову пришла мысль, что внешний вид автомобиля является показателем уровня страны в неменьшей мере, чем, скажем, архитектура. Если это так, то Америка достигла своего пика в середине пятидесятих годов прошлого века. Ах, что это были за машины! Не машины, а дворцы на колесах – огромные, ярко окрашенные, с отделкой из блестящего никеля, напоминавшие в своей хвостовой части дельфинов, устремленные вперед, всем своим видом утверждавшие, что им подвластна любая скорость, любые расстояния. Иногда сегодня такая машина проедет – и все замирают, глядя ей вслед. Будто слышится глубокий вздох ностальгии по тем светлым, легким, радостным временам. Посмотришь на такое чудо, сравнишь его с машинами нынешними – безликими, тупыми, похожими друг на друга, как близнецы-братья, и невольно подумаете: *sic transit gloria mundi*, так проходит слава мирская...

Невольно возникает такое ощущение, что всё в прошлом, причем это чувство усиливается, как ни странно, при посещении некоторых замечательных, даже удивительных мест.

К ним относится Музей Форда, в котором выставлены почти все модели, когда-либо выпущенные заводом. Мы с Иваном не могли оторвать глаз ни от самого первого творения Генри Форда, двухцилиндрового квадроцикла, ни от «Форда-Виктории» – той самой модели, на которой супруги Адамс и Ильф с Петровым пересекли Америку. Мы заметили, однако, что выставка заканчивается легендарным «Фордом-мустангом», ни одной современной машины мы не увидели. Да и зачем выставлять их – они безнадежно проиграли бы своим удивительно красивым предшественникам.

Еще более удивительным местом является Гринфилдвилладж, самый большой музей под открытым небом в Америке, если не во всем мире. Об этой «деревне» Ильф и Петров писали:

«Деревня» – это недавнее начинание Форда. Трудно ответить на вопрос, что это такое. Даже сам Форд вряд ли мог бы точно объяснить, зачем она ему понадобилась. Может быть, ему хотелось воскресить старину, по которой он тоскует, а может быть, напротив, хотелось подчеркнуть убожество этой старины в сравнении с техническими чудесами современности».

Нам же показалось, что это совсем не так. Форд хотел, чтобы американцы помнили о своем прошлом, он прекрасно знал, как склонны его соплеменники смотреть только вперед, как легко они забывают о былом. Он свез сюда все технические достижения прошлого Америки, в том числе и дом, в котором работал его близкий друг и гениальный изобретатель Томас Эдисон. Когда Эдисон как-то сказал, что хотел бы, чтобы его лаборатория всегда стояла на своей родной земле в Менло-парке, Форд добился того, что шесть гигантских грузовиков привезли из Менло-парка несколько тонн этой земли, а потом установил на нее дом Эдисона.

Посетители могут ознакомиться здесь со своей историей – не по книгам, не по рассказам, а зримо, предметно. Они могут прокатиться, как прокатились мы, в знаменитой «Модель-Т», той самой, которая и стала первым массовым автомобилем в мире. Тут же в громадном ангаре выставлены другие экспонаты: лимузин президента Эйзенхауэра, побывавший на Ялтинской конференции в 1944 году; лимузин, в котором был убит Джон Кеннеди; автобус, везший чернокожую американку Розу Паркс, которая отказалась уступить свое место белому человеку, за что она была арестована, и с чего началось движение чернокожих американцев за гражданские права.

Это все удивительно интересно, но это все о прошлом...

Чуть не забыл: на заводе Форда присоединился к нам наш «Мистер Адамс», мой друг и стопроцентный американец Брайан Кан. Спешу познакомить с ним и вас, дорогой читатель.

Брайан – сын известного американского кинодеятеля Альберта Кана, американского коммуниста, ставшего объектом преследования Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Комиссию возглавлял печальной памяти сенатор Джозеф МакКарти. Отказавшись «стучать» – назвать фамилии знакомых ему в киноиндустрии коммунистов, – Альберт Кан был приговорен к тюремному заключению за «неуважение к Конгрессу» и стал одним из знаменитой «голливудской десятки». Мой отец, работавший в Америке в кинокомпании «Метро-Голдвин Мейер», был с ним хорошо знаком, и это знакомство привело к тому, что много лет спустя, кажется, году в 1963-м, познакомился с ним я. Это было знакомство поверхностное, не приведшее к каким-либо отношениям. Вторая наша встреча произошла в 1987 году, когда Брайан привез на Московский кинофестиваль документальный фильм о советско-американском проекте спасения сибирского журавля.

Тогда же, в 87-м, он сыграл ключевую роль в том, что я написал книгу «Прощание с иллюзиями», ставшую в Америке бестселлером. Но это уже другая история.

Мы не виделись с ним лет пятнадцать, но вот в 2006 году он приехал в Москву и мы встретились вновь. Брайан мало изменился: высокий, стройный, с чуть тронутыми сединами каштановыми волосами, точный до занудства, любитель розыгрышей, тот, кто в Америке называется Jack of all trades, что по-русски можно перевести как «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Посудите сами: юрист, ведущий на радио собственную программу, писатель, кинодокументалист, политический деятель и активный борец в области экологии и охраны окружающей среды. Жил он и на Восточном, и на Западном берегах США, жил он и между ними, но все последние годы живет в городе Хелена в штате Монтана. Кроме того, он – заядлый рыбак и охотник. Последнее явилось причиной постоянных споров между ним и Иваном, который называл его «убийцей оленей». Споры эти иногда становились довольно жаркими, и я делал все возможное, чтобы снизить их накал. Признаться, я не любитель охоты. Когда-то я подстрелил зайца, который стал кричать, как раненый ребенок, на чем моя карьера охотника завершилась навсегда. Брайан как-то сказал мне, что любит охотиться на зверя, в частности на медведя, с помощью лука и стрел. Как он сказал, это уравнивает шансы. Я ответил, что когда медведь научится отстреливаться, тогда и только тогда шансы станут равными. На Брайана это не произвело никакого впечатления.

Когда мы встретились с ним весной 2006 года в Москве – а я уже знал, что в июле мы начнем свое американское путешествие, – я предложил ему стать нашим американским попутчиком. Брайан согласился – правда, только тогда, когда выяснил, сколько ему будут платить. Я же говорю, зануда.

Все-таки мы сами, да и все наши начинания сильно зависят от обстоятельств. Например, будь моим напарником не Ваня Ургант, а кто-то другой, получился бы совсем другой фильм. Точно так же, даже не знаю, как бы мы справились без Брайана Кана из Монтаны – именно так он знакомился с каждым новым человеком: он протягивал руку и неизменно говорил: Брайан Кан из Монтаны (как-будто именно это имело принципиальное значение). Но до чего он оказался полезным!

Во-первых, он стал третьим в нашей «Генриетте» водителем, причем водителем превосходным (он оказался крайне низкого мнения о водительских способностях всех остальных, кто сидел за рулем, считая, что путешествие обошлось без аварий и членовредительства только по божьему промыслу).

Во-вторых, он оказался превосходным интервьюером, мгновенно располагал к себе совершенно незнакомых ему людей, необыкновенно легко вступал с ними в разговор, располагая их к откровенности.

В-третьих, его отличало поразительное водительское чутье на дороге, он всегда ехал туда, куда ехать было надо, при этом выказывая полное презрение к GPS.

В-четвертых – и это, конечно, самое главное – он был нашим американским камертоном, он видел то же самое, что и мы, но видел по-другому, у него был другой угол зрения, что приводило к интереснейшим разговорам, иногда к спорам, но всегда было очень ценно.

Встретившись с нами в Дирборне (приехать в Нью-Йорк к началу нашего путешествия он не успевал), он сразу с энтузиазмом включился в дело. Оказалось, что брат его деда с отцовской стороны был крупнейшим архитектором, который построил все первые цеха Форда. Благодаря этому нам удалось договориться об интервью с председателем правления компании Генри Фордом III; интервью не состоялось по не зависящим от нас причинам: он был снят с должности общим собранием акционеров, выразивших ему недоверие и недовольство резким ухудшением дел.

Как я уже писал, тема «плавильного котла» была для нас приоритетной, и случилось так, что именно в Дирборне нам предстояло в первый раз заняться ею.

Дело в том, что в Дирборне проживает самое большое в Америке сообщество выходцев с Ближнего Востока, арабов. Трудно объяснить, как это получилось, хотя некоторые считают, что и в этом сыграл решающую роль Форд: когда он начал строить свои заводы, потребовалось огромное количество рабочих рук, и тогда первыми откликнулись ливанцы. По-видимому, в Дирборне жила небольшая группа выходцев из этой страны, они написали своим родственникам, ну и пошло-поехало.

В Дирборне находится одна из самых больших мечетей в США, куда мы и направились, чтобы выяснить главный вопрос: «плавильный котел» или «салат». Ответа мы не получили.

Нас принял имам в окружении свиты духовных лиц. После взаимных приветствий нам было предложено «небольшое угощение» – стол был уставлен множеством восточных яств. Все шло «на высшем уровне», но ни на один вопрос мы не получили откровенного ответа. Отвечал в основном имам, который говорил на довольно плохом английском языке, да еще с сильным акцентом. Рядом с ним сидел некий человек в тюрбане, который следил за каждым словом имама и время от времени «разъяснял» его слова. Если выпарить из потока слов всю воду, то оставалось вот что: арабы-иммигранты являются полноценными американцами, все у них в порядке, никакой дискриминации они не ощущают. В течение всей трапезы, да и потом, когда имам увел нас в свой кабинет для разговора с глазу на глаз, никакого разговора, по существу, не было, складывалось впечатление, что у высокого духовного сана не было иной задачи, как убедить нас в том, что у мусульман в Америке, как у маркизы из знаменитой песни, все хорошо, все хорошо.

Вечером того же дня мы посетили молебное собрание выходцев из Ирака: в зале, украшенном портретами различных героев этой страны и баннерами, расписанными арабской вязью, собралась толпа, состоявшая в основном из мужчин, меж которых шныряли дети. Поскольку у входа все должны были снять обувь, то торжественную атмосферу несколько портил запах, шедший от множества за день не мытых ног. Разговоры шли только на арабском, более того, попытки поговорить с пришедшими не удались: те, к кому мы обращались, отвечали, что не говорят по-английски. Не говорят, или не хотят говорить – кто его знает, но результат один и тот же.

Правда, сразу после посещения мечети мы с Брайаном побывали в двух местных магазинах, в которых увидели и узнали много любопытного. В первом – своего рода гастрономе – мы обошли все полки и убедились в том, что почти все продукты импортированы из арабских стран и все без исключения их названия написаны на арабском. Что до всяких салатов и прочих готовых блюд, то все они были исключительно арабской кухни. Настырному Брайану удалось обнаружить в продаже хот-доги, но не из свинины, понятно, а из говядины...

Второй магазин был много больше первого, перед ним была просторная парковка, из подъезжающих машин выходили в основном женщины, почти все в хиджабах и длинных арабских одеяниях, скрывавших, как положено, и фигуры, и ноги. В самом магазине шла бойкая

торговля, и покупатели и хозяин были много откровеннее имама и его окружения. Покупатель из Ирака, бежавший от войны, черноволосый красавец с острой черной бородкой и орлиным носом, сказал нам, что в Америке он чувствует себя в безопасности, что здесь есть демократия, хотя и не полная, а так, процентов на пятьдесят, и что он, в общем, чувствует себя американцем. Хозяин магазина – изящный, я бы даже сказал, интеллигентный молодой человек, признался в том, что после 11 сентября ему и его семье стало страшно:

– Раньше мы часто выезжали на пикники в лес, но теперь боимся. Наши женщины носят хиджаб, в нас легко распознать арабов, вот мы и опасаемся, как бы чего не вышло.

На стоянке мы подошли к джипу, за рулем которого сидела молодая женщина в хиджабе, и стали расспрашивать ее все о том же: чувствует ли она себя американкой? Вот ее ответ:

– Я родилась здесь. Когда я училась в школе, мне не давали чувствовать себя американкой из-за моей одежды. Нас все время выталкивают из общества. А после 11 сентября стало еще хуже. Что до меня, то я вообще не знаю, кто я: для арабов я не своя, и для американцев я чужая. Вот, видите человека, который сидит рядом со мной (это была весьма пожилая дама несколько экстравагантного вида с бейсболкой команды «Нью-Йорк Янкиз» на голове)? Она – полька, вот с ней я дружу без проблем.

После посещения магазинов мы поехали навестить арабскую семью, с которой заранее договорилась Хелена Сопина. Она живет в типично американском райончике: небольшие, большей частью одноэтажные домики, абсолютно похожие друг на друга, с похожими же газончиками перед ними и двориками позади. То и дело перед ними на флагштоках развевались американские флаги – словом, срединная Америка... да не совсем. На верандах, вокруг столов, сидели солидные мужчины в арабских одеяниях, они курили кальяны и играли в нарды.

Нас встретила вся семья – хозяин с супругой и четверо детей, с гордостью показали нам дом, а потом повели в садик, где стоял стол, как водится, со всякими угощениями. Это были выходцы из Ливана.

Хозяин, коренастый, по моде не совсем бритый, говорил тихим, почти извиняющимся голосом, будто он в чем-то перед нами виноват. Работал он грузчиком в аэропорту, работал много и тяжело:

– Раньше, когда мы только приехали, дела обстояли намного лучше, нам платили пятнадцать долларов в час, но потом экономика пошла вниз, теперь нам платят восемь долларов, еле сводим концы с концами – дом, дети, школа, за все надо платить.

Его жена, необыкновенно уютная и нежная женщина, сказала нам, что раньше она часто выходила за пределы арабского района, но теперь ни она, ни соседи ее не делают этого, стало страшно после 11 сентября. Когда я спросил ее, вернулась ли бы она в Ливан, если бы там не было войны, если бы все стало как когда-то, она ответила:

– Конечно, вернулась бы, даже не задумалась бы.

Ее муж, подумав, сказал:

– Америка замечательная страна, но все же то место, где ты родился... Оно не отпускает.

Вся семья время от времени приезжает на родину, дети, в частности, старшая дочь – ей лет шестнадцать, она родилась в Америке – так сказала:

– Ливан необыкновенно красивая страна, мне там очень нравится, но дом мой здесь, я – американка.

То же самое сказал старший сын, очень красивый и модно одетый молодой человек лет двадцати.

– Понимаете, мы здесь выросли, это моя страна, хотя иногда я чувствую себя в ней чужим.

В какой-то момент я спросил, как бы родители отнеслись к тому, что их дети выйдут замуж или женятся на настоящих американцах. Наступила чуть напряженная тишина. Отец повел плечами, как бы говоря: «Это их дело», – мать промолчала, да и детям явно не хотелось ничего говорить в присутствии родителей.

Сидя в этом садике, угощаясь арабской едой и покуривая кальян, мне вдруг показалось, будто я нахожусь нигде: ничего не напоминало Форда с его Америкой, равным образом почти ничего в окружении не напоминало Ближний Восток. Какой-то мирок в мире, островок в океане.

Напоследок я узнал совершенно неожиданную вещь: в этом районе нет «белых», но есть зато черные. Оказалось, что вообще в Дирборне, в отличие от Детройта, почти не было черных, потому что местный мэр делал все, чтобы не пускать их в город. Мэр умер, времена изменились, и афроамериканцы стали появляться, причем магнитным полюсом для них стал... ислам. Все больше и больше чернокожих американцев переходят в мусульманство, религию, для которой цвет кожи не имеет значения, в лоне которой они чувствуют себя совершенно равными. Тут я затрагиваю проблему черной Америки, можно сказать, по касательной, к ней я еще вернусь, но то, что мы обнаружили в Дирборне, стало для меня маленьким открытием. И не только для меня. Когда мы выезжали из Дирборна в Детройт, Брайан Кан из Монтаны задумчиво сказал: «А я считал, что знаю свою страну...».

Что до самого Детройта, то он произвел на нас тяжелое впечатление. Город явно находится в упадке. Высоченные красивые дома, говорящие о былом величии «Мотауна», «моторного города», стоят молча с заколоченными и выбитыми окнами, такое впечатление, что город смотрит в прошлое, вспоминает, каким он был, когда американский автомобиль царил над миром. И в самом деле, *sic transit*.

Глава 5

«Страшный город Чикаго», или все с точностью до наоборот

Когда мы еще только собирались в путешествие, то договорились: ночевать будем не в шикарных отелях, а в скромных мотелях, будем есть не в ресторанах, а в простых едальнях. О еде будет сказано отдельно и особо, здесь же хочется поднять тост за здоровье мотелей. Вы, конечно, догадались, что это слово образовано из двух других, «мотор» и «отель», и означает «отель для мотористов». Первый мотель открыл некий Артур Хайнеман в городе Сан-Луис Обиспо в 1925 году.

Я уже писал о том, что массовый автомобиль оказался для Америки волшебной палочкой, вызвавшей к жизни целый мир явлений и вещей, среди которых, конечно же, и мотель. Расположенные буквально на всех основных автомагистралях страны, мотели ожидают вас на окраинах городов. Это поначалу делало их излюбленным местом для любовных свиданий и удобным убежищем для гангстеров. Известно, что Бонни и Клайд, одни из самых кровавых грабителей в истории Америки, скрывались от полиции именно в мотелях. Дело дошло до того, что директор ФБР Дж. Эдгар Гувер в 1940 году опубликовал в журнале «Америкэн Мэгэзин» статью под заголовком «Кемпинги преступности».

Как правило, мотель состоит из одно- или двухэтажного здания, построенного в форме буквы I, L или U, при этом фасад здания и все номера обращены лицом к общей стоянке. Можно подъехать и встать непосредственно перед входом в свой номер, который представляет собой большую комнату с отдельным туалетом и душем. Главным предметом комнаты является большущая и очень удобная кровать (как заметили Ильф и Петров, в Америке продают не кровать, а сон), кроме того, имеется, конечно, телевизор, несколько необходимых предметов мебели и, что особенно удобно, бесплатный Интернет. Само собой, все номера снабжены кондиционерами. Стоимость колеблется от тридцати до девяноста долларов за ночь, что доступно буквально любому более или менее нормально зарабатывающему на жизнь американцу.

Есть регистратура и небольшая столовая для завтрака, стоимость которого входит в стоимость номера. Завтрак не ахти какой: апельсиновый сок, сделанный из концентрата, фрукты (апельсины и яблоки), разного рода булочки, квадратiki масла, мини-баночки с вареньем, картоночки молока, пакетики чая, совершенно неудобоваримый кофе и наборы разного рода кукурузных и иных хлопьев. Американцы уплетают все это с видимым удовольствием, чего нельзя было сказать о членах нашей съемочной группы. Во-первых, им было невкусно, во-вторых, им было мало. Чаще всего они выходили за пределы мотеля и направлялись в одну из многих закусочных, расположенных стратегически рядом. Поражает не только богатейшее меню, но и порции: они рассчитаны на желудки бездонные. О вкусовых качествах поданного... Об этом писали, как мне кажется, с удивлением и возмущением, Ильф и Петров:

«Идеальная чистота, доброкачественность продуктов, огромный выбор блюд, минимум времени, затрачиваемого на обед, – все это так. Но вот беда – вся эта красиво приготовленная пища довольно безвкусна, как-то обесцвечена во вкусовом отношении. Она не опасна для желудка, может быть даже полезна, но она не доставляет человеку никакого удовольствия... Мы долго не могли понять, почему американские блюда, такие красивые на вид, не слишком привлекают своим вкусом. Сперва мы думали, что там просто не умеют готовить. Но потом узнали, что не только в этом дело, что дело в самой организации, в самой сущности американского хозяйства... в Америке дело народного питания, как и все остальные дела, построено на одном принципе – выгодно или невыгодно».

И в самом деле, это так. Помню разговор, который у меня был с владельцем крупного агропромышленного комплекса. Он с гордостью сообщил мне, что ему удалось вывести почти квадратный помидор.

– Все эти квадратные помидоры, – объяснял он, – одинакового размера, все они успевают в одно и то же время, что позволяет нам собирать их не руками, а с помощью специального комбайна.

– Но послушайте, – ответил я, – они же невкусные, эти ваши квадратные помидоры, они вообще безвкусные.

– Ну и что, – возразил он, лучезарно улыбаясь, – придет время, и все те, кто знал, каков вкус настоящего помидора, отойдут в мир иной, а оставшимся будет совершенно все равно, они будут есть эти с большим удовольствием.

К счастью, могу сказать, что мой восторженный собеседник заблуждался. В Америке появляется все больше и больше специальных продуктовых магазинов, в которых продается только «настоящее», все популярнее становятся так называемые фермерские рынки, куда привозят раз или два в неделю «настоящие» фрукты и овощи. Правда, цены на эти продукты заметно дороже, да и фермерам приходится тяжело; трудно в это поверить, но государство платит им своего рода компенсацию за то, чтобы они производили меньше продуктов, чтобы рынок не подешевел, чтобы поддержать крупные агропромышленные хозяйства.

Мы побывали во множестве мотелей, ели в бесчисленном количестве придорожных ресторанчиков, но я никак не мог отделаться от странного ощущения, будто эти мотели и ресторанчики как бы ехали вместе с нами, будто мы ехали-ехали, но всегда приезжали в один и тот же городок, где нас встречал все тот же ресторанчик с одним и тем же набором красивых и безвкусных блюд. И еще удивляло то, что американцы этого не замечают, что, как писали Ильф и Петров, они «к этому привыкли. Они едят очень быстро, не задерживаясь за столом ни одной лишней минуты. Они не едят, а запроваляются едой, как мотор бензином».

Я забыл сказать, что многие мотели предлагают к вашим услугам зал для фитнеса и небольшой открытый бассейн. Словом, от мотелей, в отличие от американского общепита, у нас остались самые хорошие воспоминания...

Близился Чикаго, и я ничего хорошего от встречи с ним не ждал. Признаться, я был в нем до этого только один раз, да и то на один день, так что города я не видел. Я знал, что это третий по величине город Америки, что его считают самым американским из всех американских городов, что его воспевал в своих стихах великий Карл Сандберг. Но знал я и другое: что это город рэкетиров и бандитов, город грязный, неприглядный. Помнил я и впечатления Ильфа и Петрова:

«Мы знали, что в Чикаго есть трущобы, что там не может не быть трущоб. Но что они находятся в самом центре города – это была полнейшая неожиданность... Едва ли где-нибудь на свете рай и ад переплелись так тесно, как в Чикаго. Рядом с мраморной и гранитной облицовкой небоскребов на Мичиган-авеню – омерзительные переулочки, грязные и вонючие. В центре города торчат заводские трубы и проходят поезда, окутывая дома паром и дымом. Некоторые бедные улицы выглядят как после землетрясения, сломанные заборы, покосившиеся крыши дощатых лачуг, криво подвешенные провода, какие-то свалки ржавой металлической дряни, расколоченных унитазов и полуистлевших подметок, замурзанные дети в лохмотьях. И сейчас же, в нескольких шагах, – превосходная широкая улица, усаженная деревьями и застроенная красивыми особняками с зеркальными стеклами, красными кирпичными крышами, „паккардами“ и „кадиллаками“ у подъездов. В конце концов это близкое соседство ада делает жизнь в раю тоже не очень-то приятной».

А теперь крепко-накрепко зажмурьте глаза и откройте их в Чикаго, который предстал перед нами:

Красота! Другого слова не найти.

Даже не знаю, с чего начать. Начну с нашего первого утра – это было воскресенье, мы вышли из гостиницы – очень старой и нуждавшейся и в ремонте, и в более квалифицированном обслуживающем персонале – и увидели, что со всех сторон идут люди в майках, шортах и кроссовках, десятки и сотни людей. Оказалось, это был день Чикагского марафона, в котором принимают участие как бегуны мирового класса, так и совершенно обыкновенные люди всех цветов кожи, размеров и возрастов. Вся эта разноцветная и веселая толпа как-то сразу придавала и нам бодрости: мы отправились на берег озера Мичиган (одного из пяти Великих озер Северной Америки), на котором и стоит Чикаго. Перед глазами предстало удивительное зрелище. Весь берег – широкий песчаный пляж – был «поделен» на участки, где люди занимались разными видами спорта: тут играли в пляжный волейбол, там занимались гимнастикой ушу, дальше по колено в воде стояли человек сорок, все в белой форме каратистов, которые под руководством сенсея отработывали боевые приемы, и так продолжалось по всему берегу Мичигана. Здесь же один из участков был отдан собакам – их были десятки, породистых и беспородных, они, весело лая, носились по песку, кидались в озеро, ныряли и выныривали, снова вылетали на берег, гонялись друг за другом, но самое поразительное было то, что не было ни одной драки. Ваня Ургант первым обратил на это внимание, спросив: «Как вы думаете, почему все собаки такие доброжелательные, почему они не рычат, не скалят зубы, не кусаются?».

Хороший вопрос. Может быть, потому что с ними обращаются по-человечески? Не бьют. Не издеваются. Может быть, потому что им живется хорошо? Вам покажется странным, но я утверждаю, что эти собаки улыбались и друг другу, и нам.

Да и сами американцы много улыбаются. Это вызывает у неамериканцев, в частности, у русских, целую гамму отрицательных чувств от недоумения до возмущения. Нечто подобное произошло с Ильфом и Петровым:

«Американский смех, в общем, хороший, громкий и жизнерадостный смех, иногда все-таки раздражает... Американцы смеются и непрерывно показывают зубы не потому, что произошло что-то смешное. А потому, что смеяться – это их стиль.

Америка – страна, которая любит примитивную ясность во всех своих делах и идеях...

Смеяться лучше, чем плакать. И человек смеется. Вероятно, в свое время он принуждал себя смеяться, как принуждал себя спать при открытой форточке, заниматься по утрам гимнастикой и чистить зубы. А потом – ничего, привык. И теперь смех вырывается из его горла произвольно, независимо от его желания. Если вы видите смеющегося американца, это не значит, что ему смешно. Он смеется только по той причине, что американец должен смеяться. А скулят и тоскуют пусть мексиканцы, славяне, евреи и негры».

В этом отрывке явно слышно раздражение авторов, которые и сами любили смеяться. Но тут они, не разобравшись, ошиблись. Они оценили поведение незнакомого им народа, исходя из собственного опыта, из своей культуры и обычаев – и попали пальцем в небо (все мы страдаем этим грешком, подсознательно распространяя наши собственные привычки, традиции и правила поведения на остальных, что приводит нас к ошибочным выводам, неточным оценкам и вызывает раздражение, лишенное каких бы то ни было оснований).

Вот пример: утром человек выходит из своего гостиничного номера и садится в лифт. Не доходя до фойе, лифт останавливается и входит еще один пассажир. Как развиваются события, если дело происходит в России? А никак не развиваются. Оба пассажира, не глядя друг на друга, молча доезжают до фойе, молча выходят из лифта и расходятся по своим делам. А в Америке? Вошедший вторым обязательно улыбнется и скажет: «Good morning», на что получит в ответ такую же улыбку и тот же: «Гуд морнинг». Вполне возможно, что, выходя из лифта, один скажет другому «хорошего вам дня», на что тот ответит «спасибо, вам тоже».

Предположим теперь, что за русским исполнением сцены в лифте наблюдает американец. Вечером он напишет своей жене: «Русские – мрачные, неприветливые люди. Видимо, у них

очень тяжелая жизнь, видимо, у них нет демократии и они боятся спецслужб, потому что они никогда не улыбаются».

Теперь предположим, что участницей американского варианта была русская. Она напишет своему мужу: «Американцы – жутко наглые люди. Сегодня утром в лифте один тип пытался меня склеить – улыбался до ушей, пытался заговорить со мной, но я даже не посмотрела в его сторону, дала ему полный отлуп».

Почему русские мало улыбаются и не здороваются по утрам с незнакомыми людьми – предмет другой книги. Что до американцев, то они давно поняли, что встречать человека улыбкой и пожелать ему «доброго утра» создает позитивный фон, поднимает настроение. И в самом деле, лучше смеяться, чем плакать, особенно, когда живешь в предельно конкурентной среде, которая требует от человека, чтобы он постоянно выглядел на все сто, а если можно, на все сто двадцать. Недаром мой друг Фил Донахью не раз говорил мне в трудные минуты, «don't let them see you sweat», «не позволяй им увидеть, что ты вспотел».

Американец, впервые познакомившись с вами, улыбнется так, будто он давно не испытывал такого счастья. Беда в том, что вы, не будучи американцем, а, скажем, русским, примете эту улыбку за чистую монету, и когда на следующий день этот же самый американец не узнает вас, вы страшно обидитесь и сделаете вывод, что все американцы – подлые притворы, лицемеры. И ошибетесь. Потому что эта улыбка не означает ровным счетом ничего, это просто часть этикета, который соблюдается повсюду, как в сферах весьма высоких, так и в самых обыкновенных. Ведь приятнее, когда продавщица улыбается вам, чем когда она смотрит на вас с явным безразличием или даже раздражением.

Там, на берегу озера, собаки смеялись и улыбались во всю ширину своей собачьей пасти – то ли потому, что радовались жизни, то ли потому, что подражали своим хозяевам.

На берегу Мичигана располагается самое дорогое жилье, дома необыкновенно современные по своей архитектуре и необыкновенно красивые. Мне трудно объяснить природу этой красоты: чистота ли линий, поразительная ли функциональность, точно ли угаданная соразмерность – наверное, все это играет роль, но есть что-то еще, дух, что ли, который выразить словами я не способен.

Конечно же, есть и районы неприглядные, трущобы не трущобы, но и не то, чтобы достойное человека жилье. Это так, но пусть мне покажут многомиллионный город, где нет такого жилья, и тогда брошу камень в Чикаго. Были мы в этом городе совсем недолго, к сожалению, не смогли встретиться с человеком, который, думаю, о Чикаго знает все – журналистом и писателем Стадзом Тэркелем. Ему за девяносто, и он мог бы много рассказать об этом городе, но, увы, ему нездоровилось...

Разговаривали, как всегда, с людьми на улице – кто-то хвалил мэра Ричарда Дейли-младшего, кто-то ругал, но если учесть, что он был избран в 1989 году и с тех пор переизбирался еще пять раз, если учесть, что, если он дотянет до следующих выборов 2010 года, он побьет рекорд своего отца, Ричарда Дейли-старшего, занимавшего этот пост с 1955 года до своей смерти в 1976 году, если учесть, что рейтинг популярности мэра нынешнего находится на уровне 70 процентов, то следует признать, что Дейли-младший сделал очень много, чтобы превратить Чикаго в динамичный, архисовременный город-красавец. «Можно дурачить часть народа много времени, и можно дурачить много народа часть времени, но невозможно дурачить весь народ все время» – эти слова принадлежат уроженцу штата Иллинойс, шестнадцатому президенту Соединенных Штатов Америки, Аврааму Линкольну, и они применимы к любому политическому деятелю, которого выбирают раз за разом в течение многих лет в условиях открытой и свободной конкурентной борьбы.

Там, на берегу озера, состоялся интереснейший разговор с университетским профессором, который в свободное от занятий время возглавляет клуб любителей бега. Они собираются

каждое воскресенье, делятся на группы в соответствии с их возможностями, и бегут – кто на три мили, кто на пять, кто на десять. Спрашивается, чего бегут-то?

– Ради удовольствия. Ради чувства самоутверждения. Ради себя, – отвечает профессор.

– Как, по-вашему, почему пол-Америки бежит, не курит, не ходит в заведения фаст-фуд, не пьет никаких «кол», никакого пива, никаких крепких напитков, а другая половина не бегает, курит, не вылезает из «Макдоналдса», обпивается колами и пивом и отличается пугающими размерами?

– Ну, смотрите, человек рождается в достатке, его с детства правильно кормят, с детства он занимается разными вещами, развивается, ходит в продвинутую школу, поступает в хороший университет, получает хорошо оплачиваемую работу, не должен постоянно думать о том, как прокормить семью, как заплатить за жилье, как до б быть медицинскую страховку, как заплатить врачу и так далее. У него есть время заниматься собой, думать о себе, о том, как он выглядит, какая связь между этим и той работой, на которую он претендует. Другой человек рождается в бедности, часто без отца, он испытывает нужду с самого первого дня, он растет в полукриминальной среде, с иными ценностями и приоритетами, учится он в отвратительной школе, чаще всего бросает ее, никакого высшего образования не имеет, денег мало, ест там, где дешево, некогда думать о здоровье, ну и так далее. Вот и получается: Америка представляет собой классовое общество, но не в смысле Маркса – буржуазия и пролетариат – а в смысле того, как люди выглядят. Если совсем коротко и карикатурно, есть два класса в Америке: класс стройных и класс ожиревших.

Наблюдение, не лишенное оснований. Америка, конечно же, страна парадоксов. Как объяснить то, что, с одной стороны, нет второй страны, в которой так была бы развита индустрия похудания, где с экранов телевизоров, рекламных щитов, витрин вас призывают быть худым и следить за фигурой, где вас буквально преследуют разноцветные неоновые сентенции о том, что «только стройным улыбается любовь, карьера, успех», где на каждом шагу вам демонстрируют красочные ролики и фотографии на тему «до того» и «после того» как Дженни или Джон стали пить, применять, поглощать, использовать, носить чудодейственное средство, совершенно безвредное, но гарантирующее «мгновенную потерю веса», где на каждом шагу вам предлагают лекарства, витамины, антиоксиданты, без которых вам ну никак нельзя, и где начинает казаться, что ты должен сейчас же, немедленно, сию минуту купить все то, что спасет тебя от ожирения; а с другой стороны, что США занимают первое место в мире по числу страдающих от ожирения не только среди взрослых, но и среди детей, опережая намного идущую на втором месте Мексику?

Во время нашего путешествия Ваня Ургант слетал в Бостон на конференцию толстяков. Он вернулся со съемками, которые смотреть детям до восемнадцати лет не рекомендую. Это страшно: женщины и мужчины совершенно необъятных размеров, как написал Ремарк, «ходячие кладбища бифштексов»; трясущиеся, словно студень, окорока бедер; зады, которые не могут вписаться в нормальный городской транспорт или театральное сиденье; предплечья объемом с нормальное бедро, животы, скрывающие от своих обладателей вид собственных ступней; многие – это в основном женщины, но попадались и мужчины – не могут самостоятельно передвигаться, им необходимо специальное инвалидное кресло. Они собрались на свой ежегодный слет, чтобы обсудить способы борьбы с дискриминацией, которой подвергаются люди «с избыточным весом». Им труднее получить хорошую работу, на них косо смотрят... Дискриминация? Пожалуй, но вместе с тем реакция на элементарную распушенность. Я не имею в виду людей больных, людей с гормональными нарушениями, это особый случай. Что до остальных – это их выбор, при этом ссылки на генетическую предрасположенность не убеждают, поскольку в этом случае человек должен с удвоенным вниманием следить за собой.

В Чикаго ожиревших было заметно больше, чем в Нью-Йорке, но меньше – по крайней мере, на глаз, – чем в Кливленде и Детройте. Но одно наблюдение стало бесспорным: чем «среднее» Америка, тем она толще.

* * *

На окраине Чикаго, в местечке Дес Плейнз, находится музей: это здание, в котором открылся первый в истории ресторан «Макдоналдс». Этому предшествовала интересная и очень американская история.

Жил-был некто по имени Рей Крок. Когда ему стукнуло пятьдесят два года, он заложил свой дом и все, чем он обладал, чтобы стать эксклюзивным дистрибьютором аппарата «мультимиксер», с помощью которого можно было одновременно взбивать пять молочных коктейлей. Через некоторое время Крок услышал о том, что где-то в Калифорнии какие-то братья МакДоналд купили восемь этих «мультимиксеров». Крок тут же сел в машину и поехал в Калифорнию, где нашел закусную братьев МакДоналд – они продавали гамбургеры и молочные коктейли, при этом одновременно обслуживали невиданное ранее Кромом количество народа. Он и предложил братьям открыть несколько ресторанчиков с «мультимиксером», и они согласились. Первый открылся в Дес Плейнзе 15 апреля 1955 года.

Особая «американистость» этой истории заключается в изобретательности и готовности рисковать: сначала человек отдает все что у него есть ради получения права на распространение агрегата, которым еще никто никогда не пользовался, а потом пересекает полстраны, чтобы своими глазами увидеть не совсем понятно что, после чего в его антрепренерской голове возникает совершенно грандиозный замысел.

Хранитель музея с видимым удовольствием показывал нам с Ваней, как от «мультимиксера» Крок пошел дальше, используя фордовскую идею конвейера: гамбургеры жарит один человек, закладывает их в булки другой, третий добавляет жареную картошку, четвертый передает в кассу, кассир выкрикивает номер ожидающего – все предельно организовано, быстро, чисто, все операции сведены до простейших движений, их может освоить любой, все идеально стандартизировано – от размеров и вида до вкуса, гамбургер и молочный коктейль в Чикаго абсолютно ничем не отличаются от гамбургера и молочного коктейля в Сан-Франциско или Мехико-сити.

Мы вышли из бывшего ресторана и нынешнего музея под впечатлением увиденного и услышанного. Перед зданием стояли американские машины того времени – великолепные, ярко окрашенные королевы дорог середины пятидесятых. Они хоть и стояли, но казалось, они парят, либо вот-вот сорвутся с места и полетят. Я бы добавил: напоминая другую Америку, полную оптимизма и задора, играющую мускулами, верящую в свою безгрешность и непобедимость, гордящуюся своей победой во Второй мировой, Америку... которой больше нет и никогда не будет.

Мы решили сделать фото на память на фоне первого в истории «Макдоналдса». Перешли улицу и оказались около неказистого одноэтажного зданьица, в котором не было ничего примечательного, кроме нанесенной спреем надписи на стене: «Если вам кажется, что все машины едут вам навстречу, это значит, что, скорее всего, вы едете против движения».

Глава 6

А пройдет ли это в Пеории?

Когда перечитываешь книжку Ильфа и Петрова – а я перечитал ее раз десять, – понимаешь, что более всего поразили их две вещи: автомобильные дороги и обслуживание. Учитывая, что они прибыли из страны, в которой, как когда-то сострил один англичанин, вместо дорог – одни лишь направления (об обслуживании англичанин не написал ничего – оно отсутствовало вовсе), это неудивительно.

Предоставим слово авторам, захавшим на бензоколонку:

«Здесь мы услышали слово „сервис“, что означает – обслуживание.

Бак наполнен, и можно ехать дальше. Но джентльмен в полосатой фуражке и кожаном галстуке не считает свою миссию законченной, хотя сделал то, что ему полагалось сделать, – продал нам одиннадцать галлонов бензина, ровно столько, сколько мы просили. Начался великий американский сервис.

Человек с газолиновой станции (в штатах бензин называется газOLIном) открывает капот машины и металлической линейкой с делениями проверяет уровень масла в моторе. Если масла необходимо добавить, он сейчас же принесет его в красивых консервных банках или высоких широкогорлых бутылках. Стоимость масла, конечно, оплачивается.

Затем проверяется давление в шинах... Лишний воздух выпустят, если его не хватает – добавят.

Затем полосатый джентльмен обращает внимание на ветровое стекло. Он протирает его чистой и мягкой тряпкой...

Все это проделывается быстро, но не суетливо. За время этой работы, которая не стоит путешественнику ни цента, человек с газолиновой станции еще расскажет вам о дороге и о погоде, стоящей по вашему маршруту...

Весь сервис есть бесплатное приложение к купленному бензину. Тот же сервис будет оказан, даже если вы купите только два галлона бензина. Разницы в обращении здесь не знают. Какой-нибудь старенький «шевролишка» и расскрекавшийся многотысячный «дюэенберг», чудо автомобильного салона тысяча девятьсот тридцать шестого года, встретят здесь одинаково быстрое и спокойное обслуживание».

За прошедшие с тех пор семьдесят с лишним лет сервис, увы, стал совсем другим, в чем может убедиться любой, кто захочет заправиться на «газолиновой» станции. Никакого «полосатого джентльмена» нет и в помине. Никто вам бензин не наливает, тем более не проверяет уровень масла, давление в шинах и чистоту вашего ветрового стекла (правда, в том или ином городе, пока вы стоите на красном светофоре, к вам подскочит какой-то расхристанный субъект и, не дожидаясь вашего согласия, брызнет какой-то жидкостью на ветровое стекло и начнет работать специально припасенной губкой – но не заблуждайтесь, это вовсе не сервис, это активный, я даже сказал бы агрессивный отъем денег). За два месяца нашего путешествия мы побывали на бесчисленном количестве бензоколонок, и нигде никто не бросался заправить нашу машину, проверить, все ли в порядке с маслом и давлением воздуха в шинах.

Уровень сервиса упал – и не только на бензоколонках. Он упал повсюду (я оставляю в стороне тот особый мир, который доступен только тем, кто может за него заплатить – там сервис особый, порой переходящий в подбострастие). Как мне кажется, это связано, во-первых, со все большим отчуждением человека от своего труда. Во времена Ильфа и Петрова работник бензоколонки часто был ее совладельцем, почти всегда был лично заинтересован в успехе этой колонки; во-вторых, вы сегодня почти не найдете «настоящих» белых американцев среди обслуживающего персонала: это чаще всего выходцы из Латинской Америки и Азии, афроамериканцы, для которых, в силу определенных обстоятельств, протестантская «этика

труда» является чуждой. В-третьих, общий уровень образования несомненно понизился, за прилавками стоят люди совершенно беспомощные, если не работает калькулятор, тем более компьютер, люди, функционально безграмотные – они могут сложить буквы в слова и слова в предложения, но они не способны понять то, что прочитали, речь притом идет о простейших инструкциях.

Вместе с тем мы не уставали удивляться тому уровню комфорта, удобств, с которым сталкивались. Может сложиться впечатление, будто в Америке есть мощный мозговой центр, где светлые головы круглосуточно думают над тем, как сделать жизнь своих соотечественников удобней.

Вот мы едем из Чикаго в маленький город Пеория и останавливаемся у так называемого «rest area» – «зоны отдыха». Это, разумеется, бензоколонка, но кроме того и главным образом это довольно большое здание, в котором предусмотрено абсолютно все. Перед ним – две парковки – одна для грузовиков и автобусов, другая для автомобилей. И еще отдельная парковка для инвалидов.

Подходим с Ваней к входным дверям: надпись предупреждает о том, что:

- За кражи и вандализм будут преследовать и наказывать;
- Курить запрещается;
- Ходить босиком запрещается;
- Ходить без майки или рубашки запрещается;
- Входить с животными запрещается;
- Входить с огнестрельным оружием запрещается.

Входим – в кроссовках, в майках, джинсах, без огнестрельного оружия. Сразу, справа, освещенное изнутри панно-карта: указано место нашего нахождения и как ехать дальше в разных направлениях. Чуть ниже – список мотелей и гостиниц, а также достопримечательности. Здесь же, буквально в двух шагах, углубление в стене – за стеклянной дверцей виднеется какой-то аппарат, и на стене небольшая табличка гласит: «В случае сердечного приступа открыть дверцу, достать и применить аппарат для электрошока». Ваня Ургант поражен – это что же, говорит он, здесь все умеют пользоваться этим?

Далее: умывальники, расположенные на разной высоте – более низко – для инвалидов в коляске и маленьких детей (вообще в Америке во всех местах общественного пользования, от туалетов до автомобильных стоянок и общественного транспорта, учитываются проблемы инвалидов), комната отдыха, душевая и телевизионная комната для водителей-дальнобойщиков, словом, вы не успеете даже задаться вопросом, есть ли здесь то или иное, как обнаружите, что есть. Вот вам из ряда вон выходящий пример: там, где на стене привинчены таблички с надписями, под ними находятся таблички, на которых все это написано брайлем, для слепых.

Далее, несколько ресторанчиков, магазинчиков.

Туалеты мы, по понятным причинам, не снимали, но поверьте мне на слово: и в них все продумано до мелочей, и в них имеется специальный туалет для инвалидов (о чистоте и порядке не говорю, это нечто само собою разумеющееся).

Америка – страна удобств. И в этом она не имеет себе равных нигде в мире.

* * *

Приехали в Пеорию. Городок, ничем особенным не отличающийся от сотен и тысяч таких же маленьких городов Америки, если бы не одно обстоятельство.

Где-то в начале XX века кто-то заметил, что если водевиль или бурлеск проходит с успехом на сцене Пеории, ему гарантирован успех в стране в целом. Почему? Этого не знал – да и не знает – никто. Но факт есть факт, и вот родилось выражение: «А это пройдет в Пеории?». Городок стал своего рода испытательным полигоном для проката разных мюзиклов и пьес, там

проверяли функциональность своих политических лозунгов различного рода деятели, и, хотя это было давно, и Пеория в меньшей степени остается таким полигоном, чем прежде, тем не менее...

От посещения Пеории остались в памяти две встречи.

Первая – с Джимом Ардисом, мэром города, который удивил меня не только тем, что фактически работает бесплатно (у него есть свой бизнес), ставит задачу превратить Пеорию в город самого передового школьного образования, ходит и разъезжает по своему городу без всякого сопровождения, ежегодно принимает участие в марафоне, средства от которого идут на поддержку Детской клиники и больницы, которая находится совсем в другом городе и штате (городе Мемфисе, штат Теннесси, о котором будет сказано отдельно); поразил он меня ответом на мой вопрос, что для него является главным в работе:

– Мои приоритеты, то, чем я стараюсь руководствоваться в работе, можно выразить так: однажды твоя жизнь будет оценена не потому, сколько денег ты заработал и сколько у тебя машин, а по тому, как ты повлиял на чью-то жизнь.

Вторая встреча произошла на углу Мейн и Джефферсон стритов, встреча с еще молодым юристом по имени Авраам Линкольн. Ну, не с ним, положим, а его памятником, который стоит там, около здания суда графства Пеории, в честь речи, которая была произнесена здесь будущим президентом США 16 октября 1854 года. Он стоит во весь рост – 193 сантиметра, худющий, опустив обе руки, указывая пальцем на воображаемую черту, проходящую у его ноги: за этой чертой, сказал он в своей речи, нет прохода рабству. Статуя какая-то очень живая, кажется, вот-вот пойдет мерить Пеорию широкими шагами. Брайан подошел, положил руку на плечо Линкольну, потом отвернулся и отошел – он плакал. А я представил себе, как Линкольн заходит к Джиму Ардису и говорит:

«Я буду делать все, что я могу, пока могу. И если в итоге я буду прав, то все слова моих критиков и хулителей не будут означать ничего. Но если итог будет иным, то даже хор ангелов, поющий мне славу, не изменит ровно ни чего».

* * *

Из Пеории мы поехали на юго-запад, через штаты Миссури и Канзас, въехали в Оклахому и остановились в самом северо-восточном его уголке, в Майами. Да, да, в Майами, который не имеет ничего общего с одноименным городом во Флориде. Этот Майами совсем крохотный, хвастаться ему особенно нечем, в путеводителе вам сообщат, что его главная улица – очередной Мейн стрит – представляет собой отрезок легендарной трансконтинентальной автомобильной дороги номер 66; именно по этой дороге, еще тогда недостроенной, ехали в 1935 году чета Адамс с Ильфом и Петровым. Строительство было завершено четырьмя годами позже, в 1939-м, когда-то здесь добывали цинк и свинец, потом они кончились и шахты закрыли.

На бензоколонке встретили группу кровельщиков и их работодателя. Ребята молодые, симпатичные, охотно отвечали на вопросы, которые задавал им Брайан Кан из Монтаны:

– Ну, и как вам живется?

– Да как сказать... Так себе, живем у подножья горы, а говно, как известно, всегда катится сверху вниз.

– Понятно. Медицинская страховка у вас есть?

Молча мотают отрицательно головами. Тут вступает в разговор босс, тот, кто нанял их:

– Какая к черту страховка?! Никаких денег не хватит ни у них, ни у меня! Вон при Клинтоне все было шикарно, жили, как люди, а при этом Буше все полетело хрен знает куда. Одни долги...

– Между прочим, – замечает самый активный кровельщик, – нашим сенаторам повысили зарплату на тридцать тысяч долларов в год. А нам уже пять лет не повышают минимальную зарплату. Я хочу спросить, а где мои деньги в этих тридцати тысячах? Где, я вас спрашиваю?

– Ну, – допытывается Брайан, – а вам не кажется, что хорошо бы изменить всю систему здравоохранения, чтобы это все было доступно каждому? Что скажете?

Кровельщики смущенно улыбаются, переминаются с ноги на ногу.

– Да хрен его знает, – тянет один.

– Ладно, – говорит Брайан, – завершите для меня следующее предложение: «Для меня быть американцем, это?..»

– Лучше, чем быть мексиканцем! – выпаливает один под общий хохот.

Живется им явно нелегко, но они не жалуются – и это тоже очень американская черта.

– Майами – потрясающий город, здесь уютно и тепло, здесь мы все друг друга знаем, если ты приезжий и зайдешь в магазин, тебя обязательно спросят, откуда вы, надолго ли к нам, не нужна ли помощь. Вот такой наш Майами, так что приезжайте еще.

Потом все залезли в пикап, помахали нам на прощание и умчались в клубах пыли в сторону Миссури и работы.

* * *

Полицейская машина, сев нам на хвост, пару раз предупреждающе взвывла, затем по громкой связи приказали нам остановиться. Патрульная машина остановилась метрах в пяти позади нас. Из нее вышел здоровенный «коп», он не спеша подошел к нашей машине и плотно приложил правую ладонь к заднему стеклу, потом, поравнявшись с правым задним окном и посмотрев на пассажиров, сказал:

– Пожалуйста, джентльмены, положите руки на спинку переднего сиденья. Спасибо. А вы, сэр, – обратился он ко мне, положите обе руки на руль.

Убедившись, что его указания выполнены, он прошел мимо водительского окна, потом повернулся так, что видел и водителя и пассажиров, и попросил мои права. Внимательно посмотрел, потом участливо спросил:

– Куда держите путь, сэр?

– В Колорадо Спрингс, – ответил я.

– Хорошее место, – кивнул он и продолжал: – Вы превысили лимит скорости на десять миль в час, поэтому, сэр, я выпишу вам штраф, но не буду снимать с вас зачетных очков. Вот и все, сэр, хорошей вам дороги.

Все, что здесь описано, случилось на самом деле, но это была инсценировка, просто нам, приехавшим в Полицейскую академию штата Оклахома, устроили демонстрацию того, как задерживают машину.

– Почему вы прижали ладонь к заднему стеклу? – спросил я.

– Для того чтобы оставить отпечатки своих пальцев, – отвечает лейтенант дорожного патруля штата Оклахома Питер Норвуд, – на тот случай, если что-нибудь случится со мной. Так смогут определить, что я пытался эту машину задержать.

– Ну, а руки на сиденье и на руле, это для чего?

– Я должен увидеть руки всех пассажиров и водителя. Пока не увижу, останусь у заднего окна. Только потом пройду вперед и встану так, чтобы всех видеть.

– А если я сниму руки с руля?

– Я попрошу вас положить их на руль, сэр.

– А если я откажусь?

тенант Питер Норвуд выделяется даже среди лучших, но мы, приехавшие из России, имеем тончайший нюх на все, что хоть отдаленно напоминает потемкинскую деревню, а здесь не было даже следа этого запаха.

А был запах братства, гордости, готовности служить. Я спросил Норвуда, как относятся люди к дорожной полиции штата, и он ответил:

– Они уважают нас, но и боятся.

Наверное, так оно и должно быть. Ведь эти люди рискуют жизнью каждый день: кто знает, чем закончится погоня за очередной машиной?

Я поехал с одним из старших полицейских, предложивших показать мне полосу препятствий и прочие прелести. Во время пути зазвонил телефон. Это оказалась его супруга.

– Знаешь, – говорит он, – у меня в машине русский... Да нет, не шучу я, настоящий, прямо из Москвы... Не выпил я ни капли, ты же знаешь, на работе не пьем... Ничего я не придумал... Ну ладно, до вечера. Я тебя люблю.

Потом он обернулся ко мне и сказал:

– Она решила, что я ее разыгрываю... А знаете, почему мы всегда так прощаемся?

– Нет, а почему?

– Потому что каждый день может быть для нас последним, такая у нас работа, поэтому, прощаясь, всегда говорим друг другу «я тебя люблю».

* * *

Накупив бейсболок и маек с надписью «Дорожная полиция штата Оклахома», мы поехали дальше. На прощание нас предупредили, чтобы мы сняли эти предметы одежды до того, как пересечем границу соседнего штата:

– Нас там не очень любят, завидуют нашей славе, так что вы поосторожней.

* * *

Уже в машине у нас возник довольно любопытный разговор, который я привожу текстуально.

Познер: Вот я хочу вас спросить: у вас уже сложилось некоторое общее впечатление об этих людях? Об американцах?

Ургант: Вот эта черта, которую я не могу не заметить. Они люди открытые. С людьми не надо пытаться найти какой-то контакт. Они уже открыты для контакта.

Брайан: По-моему, американцы всегда готовы высказать свою точку зрения, если под этим мы и подразумеваем открытость. Они никогда не пытаются скрыть что-либо, они не двуличны – сразу выкладывают все. И я думаю, что это замечательное качество.

Ургант: К вопросу об открытости. Мне, конечно, очень интересно было бы узнать и проверить вот эту теорию, о которой, кстати, сказал профессор в Чикаго. Не теорию, а даже вот ощущение, что американцы – это те люди, которые невероятно открыты. Они впускают тебя сразу в свой мир, они участливы. Но это все – поверхность. Но если уж говорить дальше... будут ли они разделять не только мой интерес к ним, но и еще какие-то твои проблемы – это вопрос. Пока ответа у меня на него нет, потому что, к сожалению, знаю только одного американского гражданина, с которым мы имеем общение больше трех дней в нашей поездке – это Брайан. Совсем скоро – завтра-послезавтра – я собираюсь попросить у него в долг деньги. И таким образом проверить, насколько мы близки.

Брайан: Я могу сказать, что я провожу черту в отношении Ивана. Я знаю его всего несколько дней, но уже понял, что в этой ситуации мой ответ будет: ни за что на свете. Ни за что.

Ургант: Благодарю, Брайан. Вот и ответ. Спасибо огромное, Брайан.

Брайан: А что ты думаешь, Владимир? Ты-то встречался со многими американцами.

Познер: У меня впечатление, что американцы открыты, но не сентиментальны. Они будут очень открыты с вами в том, что касается обсуждения каких-то проблем, но там, где идет речь об их внутреннем мире, об их личном, они с вами не будут разговаривать, потому что вы... Ну кто вы им?

Ургант: Я говорю о том, что в принципе существует ли в американском сознании – или там, как хотите, в американских людях вот такие качества, когда мы можем делиться друг с другом, сопереживать друг другу. В каких-то очень личных вопросах... Или все-таки это общество по первому плану невероятно открытых и дружелюбных людей, которые, безусловно, помогут вам подняться на улице, если вы упали, но не будут вас спрашивать, почему вы упали-то, по какой причине, из-за какой болезни.

Познер: Это неверно.

Ургант: Неверно?

Познер: Они помогут вам встать, они вызовут «Скорую помощь», они не пройдут мимо, как у нас часто бывает. Они как раз не пройдут мимо. Не проедут. Это мы сейчас говорим о разных вещах.

Ургант: Но вы же понимаете, что я имею в виду? Они всегда отстаивают... private... какой-то вот такой... частную зону, куда тебя не допускают. Что мне, как человеку, который вырос и прожил свою жизнь в России... как мне кажется, мы в России имеем другое – и это как раз меня и интересует... Я имею в виду... 300 миллионов людей... которые потенциально могут тебя понять. Ведь это же самое важное. Знаете, как говорят, русскую душу никогда не поймешь.

Познер: Ну, вообще, я считаю, что Тютчев глубоко заблуждался, когда он писал, что умом Россию не понять и так далее. В этом есть определенный националистический оттенок. По-моему, это все глупости. На самом деле, понять другую страну, понять другой народ... вообще, это требует, во-первых, тонкости, желания и времени. И требуется, может быть, даже определенный талант.

Глава 7

И все-таки война проиграна

«Пора уже исполнить обещание написать об американских дорогах... Они стоят этого...

Мы не впервые очутились на автомобильной дороге. Теперь мы уже привыкли, притерпелись к этому блестящему дорожному устройству, но первое впечатление было незабываемым. Мы ехали по белой железобетонной плите толщиной в одиннадцать дюймов. Эта идеально ровная поверхность была слегка шероховата и обладала огромным коэффициентом сцепления. Дождь не делал ее скользкой.

Мы катились по ней с такой легкостью и бесшумностью, с какой дождевая капля пролетает по стеклу. Дорога на всем своем протяжении была разграфлена толстыми белыми полосами. По ней в обоих направлениях могли идти сразу четыре машины. Практически эти дороги, подобно дорогам Древнего Рима, построены на вечные времена...

О, эта дорога! В течение двух месяцев она бежала нам навстречу – бетонная, асфальтовая или зернистая, сделанная из щебня и пропитанная тяжелым маслом...

Иностранец, даже не владеющий английским языком, может с легкой душой выехать на американскую дорогу. Он не заблудится здесь, в чужой стране. В этих дорогах самостоятельно разберется даже ребенок, даже глухонемой. Они тщательно перенумерованы, и номера встречаются так часто, что ошибиться в направлении невозможно...

На дорогах есть множество различных знаков. Но – знаменательная особенность! – среди них нет ни одного лишнего, который отвлек бы внимание водителя...

Дороги – одно из самых замечательных явлений американской жизни. Именно жизни, а не одной лишь техники».

Лучше, по-моему, не скажешь. Мы, как Ильф и Петров, катили по этой бесконечной гладкой ленте. Я не мог – уже в который раз! – не подумать о том, какое чудо сотворил для Америки массовый автомобиль. Ведь это он побудил страну к строительству дорог, а строительство дорог породило совершенно новый вид транспорта, который оттеснил не только транспорт водный, но и железнодорожный – грузовой. Сегодня, когда тебя обгоняют красавицы-дальнобойщицы, громадные грузовики, то не сразу понимаешь, что эти дороги, являющиеся артериями страны, восходят к видению Генри Форда...

Зато, если ты, конечно, не американец, и особенно если ты из России, ты задаешься вопросом: почему у них такие чистые, красивые грузовики? В самом деле, почему? Или, если угодно, почему в России такие уродливые и грязные? Впрочем, это другая тема.

Дорога № 66, о которой я писал чуть раньше, была первой магистралью, которая пересекала страну с северо-востока на юго-запад, ею-то и восхищались Ильф и Петров, да не только они. Дорога № 66 стала легендарной, о ней писали песни, и одну из них исполнил, как говорится, на веки вечные бессмертный Нат «Кинг» Коул. Но все те же Ильф и Петров немало удивились бы, узнай они, что дорога № 66 давно не является ни главной, ни единственной...

Главкомандующий союзническими войсками в годы Второй мировой войны, генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр был потрясен качеством германских дорог: продвигаясь с боями по территории этой страны, он увидел поразительную по качеству и охвату сеть автомобильных дорог, построенную по указанию Гитлера. Вернувшись в Америку и став президентом в 1952 году, Эйзенхауэр добился принятия национального плана строительства сети не просто хайвеев, а суперхайвеев, именно они покрывают Америку сегодня. Так что возможно такое парадоксальное утверждение: Америка обязана своими прекрасными дорогами Генри Форду и... Адольфу Гитлеру.

И вот по этой изумительной дороге мы держали путь из Оклахомы через «Ручку кастрюли» Техаса, как называют торчащий в северном направлении прямоугольник этого штата, все дальше на Запад в штат Нью-Мексико.

Проехали через город Амарилло, который нас ничем не удивил (в отличие от Ильфа и Петрова, которых поразил в этом «новом и чистом» городе «полный комплект городских принадлежностей... как говорится, что угодно для души. Вернее – для тела. Для души тут как раз ничего нет»).

Из Амарилло путь прямой – в Санта-Фе, Ильф и Петров так и поехали, но нас ждали в Галлопе, поэтому, несмотря на географическую абсурдность этого решения, мы проскочили Санта-Фе и помчались в самый северо-восточный угол штата Нью-Мексико, в город Галлоп.

«Город Галлоп дал нам очень много для понимания Америки. Собственно, этот город совсем не отличается от других маленьких городков... Какой-нибудь старый галлопчанин, уехавший на два-три года, едва бы узнал свой родной город, так как нет ни одной приметы, по которой он мог бы его узнать. „Какой город?“ – спросил бы он, высунувшись из автомобиля. И только узнав, что он действительно в Галлопе, а не в Спрингфилде или Женеве, принялся бы целовать родную землю (асфальт). Именно этим вот отсутствием оригинальности и замечателен город Галлоп. Если американцы когда-нибудь полетят на Луну, они обязательно построят там точь-в-точь такой же город, как Галлоп... Добрый город Галлоп! Его не интересуют события в Европе, Азии и Африке. Даже американскими делами город Галлоп не слишком-то озабочен. Он гордится тем, что со своими шестью тысячами жителей имеет горячую и холодную воду, ванны, души, рефрижераторы и туалетную бумагу в уборных, – имеет тот же комфорт, что Канзас-Сити или Чикаго».

Все-таки Ильфа и Петрова поразил тот факт, что даже в самом захолустном городке Америки люди пользуются точно такими же удобствами, какими пользуются, например, в Нью-Йорке или Чикаго. Они, будучи людьми советскими, пытались не то, чтобы скрыть свое удивление – да и восхищение, – но как-то умерить его. А ведь есть чем восхищаться, это и вправду поразительное достижение.

Сегодня в Галлопе проживают не 6 тысяч, а чуть более двадцати тысяч человек. Американцы побывали на Луне, но ничего там не построили. И все-таки Галлоп отличается от многих других американских городков, как мне показалось, все-таки имеет свои отличия. Нет, не архитектурные – городок унылый, пожалуй, самое красивое его здание – новый вокзал, где останавливаются поезда, проезжающие прямо через тело города. И не огромным моллом, без которого ныне не обходится ни один американский город. Отличие касается субботних покупателей в этом самом молле...

Представьте себе, вы входите и не видите ни одного белого лица. Зато вы видите сотни лиц красноватых. Это индейцы, или, если придерживаться политкорректной терминологии, «Native Americans» («туземные американцы»). Молл ими буквально забит, они приезжают сюда целыми семьями именно по субботам, это, как мы выяснили, у них нечто такое же обязательное, как «банная суббота» для любителя попариться в России.

Больше всего меня поразила их внешность. Для меня, зачитывавшегося в детстве книжками Фенимора Купера, индейцы отличаются необыкновенной стройностью, они красивы, у них чеканные черты лица, они горды и независимы, я знал названия многих индейских племен – делаверы и могоканы, чероки и команчи, су и навахо. Кстати, вот, что писали Ильф и Петров:

«Наваго ненавидят и презирают „бледнолицых братьев“, которые уничтожали их несколько столетий... Эта ненависть сквозит в каждом взгляде индейца... Индейцы почти совершенно не смешиваются с белыми. Это многовековое сопротивление индейцев – вероятно, одно из самых замечательных явлений в истории человечества».

И еще:

«В последний раз мы смотрели на пустыню наваго, удивляясь тому, как в центре Соединенных Штатов, между Нью-Йорком и Лос-Анджелесом, между Чикаго и Нью Орлеаном, окруженные со всех сторон электростанциями, нефтяными вышками, железными дорогами, миллионами автомобилей, тысячами банков, бирж и церквей, оглушаемые треском джаз-бандов, кинофильмов и гангстерских пулеметов, – умудрились люди сохранить в полной неприкосновенности свой уклад жизни».

Совершенно определенно хочу сказать: нет, не сохранили. Почему-то стоит перед глазами такая картинка: в отделе молла, отведенном для детей, индейский мальчик лет пяти сидит верхом на пластмассовой лошадке-качалке и с веселым гиканьем погоняет ее. А неподалеку сидят за столиком его родители – пузатые карикатуры на Чингачгука – и уплетают фаст-фуд, запивая его большими картонными стаканами кока-колы.

В день нашего приезда на одной из городских площадей в рамках фестиваля индейской культуры состоялся вечер индейских танцев. Под барабанную дробь и звук свистулек представители разных племен в традиционном убранстве плясали. Лично у меня это зрелище вызвало лишь щемящее чувство жалости и тоски по чему-то такому, что ушло навсегда. Один из музыкантов по имени Фернандо оказался, как он сам сказал, «пропагандистом культуры» своего народа. На следующий день мы приехали к нему в резервацию – в небольшое поселение, где живут индейцы племени зуни-пуэбло. Такой нищеты я давно не видел.

Плохенькие дома, кучи мусора, бродячие голодные собаки. В доме Фернандо причудливое смешение современной цивилизации и остатков «индейского». Его мать, женщина престарелая, целыми днями сидит у огромного плазменного телеэкрана, уставившись в нескончаемый поток «мыла». Фернандо сидит за столом и ест, откладывая маленькие порции овощей для «добрых духов», прося их о дожде. При этом он сообщает мне, что он, как и большинство жителей поселения, католик. На улице его жена подкладывает в глиняную печь дрова и, когда они прогорают, засовывает туда приготовленное ею тесто. Через несколько часов будет готов хлеб.

– Двадцать семь больших хлебов, – говорит она с гордостью.

– Двадцать семь? – переспрашиваю я. – А зачем столько?

– Для семьи и на продажу, к нам приезжают из других поселений, где нет печей. Там уже забыли, как это делается.

Зрелище тягостное.

– Как вы предпочитаете, чтобы вас называли, – спрашиваю я Фернандо, – туземным американцем или индейцем?

– Да мне как-то все равно, – отвечает он, – хотя я больше привык считать себя индейцем.

– А как вы относитесь к слову «резервация»?

Фернандо пожимает плечами, улыбается и молчит. Потом говорит:

– Знаете, до 1924 года нам, индейцам, было запрещено покидать резервации. Сейчас все-таки стало лучше.

Выхожу на улицу и вижу, как Ваня помогает хозяйке с дровами. Брайан на полном серьезе говорит ей:

– Спасибо большое. А то до сих пор я не видел, чтобы он работал.

Ваня не находит ответа, и поэтому делает вид, что ничего не слышал. А мне хочется уехать отсюда как можно скорее.

На прощание Фернандо дарит мне чудесный нашейный амулет – черепашку, сделанную из какого-то местного камня красного цвета. Во время путешествия лопнул тонкий кожаный шнур, на который она была вдета, и черепашка потерялась. Ужасно жалко.

Обратно в Галлоп мы ехали молча. Потом я сказал, что настроение у меня отвратительное, что Америка повинна в геноциде, потому что на самом деле индейцы уничтожены – не только и, быть может, не столько физически, сколько духовно: они уже не индейцы, но и не американцы в общепринятом смысле слова.

Ваня не совсем согласен. Он считает, что когда традиции сталкиваются с современной цивилизацией, они не выдерживают, происходит то, чему мы были свидетелями, ничего с этим сделать нельзя.

Брайан говорит мне, что я не прав, что потрачены миллионы и миллионы долларов, чтобы помочь индейцам, что американцы давно осознали свою вину и стараются ее искупить.

Ерунда.

Вспоминаю разговор одного индейского вождя с французским писателем (я эту книжку прочитал незадолго до начала нашей поездки). Писатель спрашивает вождя, почему не построят Музей холокоста, как построили в Вашингтоне в память уничтоженных нацистами во время войны евреев, только на этот раз в память уничтоженных индейцев? Вождь ему отвечает: «Такие музеи строят, когда война окончена. Наша продолжается».

Нет, это не так. Война окончена и проиграна.

* * *

В Галлопе мало достопримечательностей. Есть знаменитая гостиница «Эль Ранчо», которую построили в 1937 году в стиле «Дикого Запада» для съемок вестернов. Стены все увешаны фотографиями голливудских звезд, перед которыми благоговейно застывают туристы. Местный знаток истории города с нескрываемым удовольствием рассказал нам о том, как всеамериканский герой Джон Уэйн как-то въехал в гостиницу и в бар на коне.

Мы сами набрали на другую примечательность: целая стена дома представляет картину, на которой изображены индейцы племени навахо, – кто в народном одеянии, кто в военной форме. Надпись гласит, что во время Второй мировой войны японцы перехватывали и легко расшифровывали всякого рода секретные американские сообщения. Индейцы навахо предложили использовать в качестве шифра их язык, и как ни старались японские эксперты, разгадать его они не сумели.

Еще нас пригласили на вечернюю облаву выпивших водителей. Полиция останавливала все машины подряд, все это делалось перед специально построенной трибуной, на которой собралось человек сорок местного – в основном индейского – населения. Чем-то это напомнило мне имевшие место в советское время «месячники» того или сего дела, только это был не месячник, а показательный вечер. Никого не арестовали, но шериф сказал мне, что проблема алкоголизма в Галлопе является очень тяжелой: пьют в основном индейцы, которые, как и многие «малые» народы, отличаются крайне низким сопротивлением к алкоголю. Пожалуй, самой интересной была встреча с полицейским, чья овчарка понимала команды только на голландском языке. Сама собака была родом из Голландии, а полицейский выучил необходимые команды на ее родном языке. Зачем? А затем, объяснил он, чтобы больше никто не мог разговаривать с ней. Ваня попробовал обратиться к ней по-русски, но быстро отстал: уж больно недружелюбно она стала смотреть на него.

Мы покинули Галлоп без всяких сожалений.

Интересно, а собаки, живущие в резервации, понимают только язык навахо?

Глава 8

«Я призван самим богом»

«Санта-Фе – столица штата Нью-Мексико, самого молодого штата Соединенных Штатов Америки. Столица самого молодого штата – один из самых старых американских городов. Однако, помимо нескольких действительно старинных зданий, все остальные дома в городе – чистенькие, новенькие, построенные в стиле старых испанских миссий. Весь город какой-то искусственный, как будто сделанный для американских туристов» – таким увидели город Ильф и Петров семьдесят с лишним лет тому назад. С тех пор изменилось здесь немного (хотя вслед за «самым молодым», сорок восьмым штатом, появились и сорок девятый – Гавайи, и пятидесятый – Аляска).

В Санта-Фе расположено, возможно, самое старое сохранившееся здание США, а именно дом, построенный по приказу короля Испании в 1610-м, когда многие земли нынешних Соединенных Штатов принадлежали испанской короне. Выстроенное из темных мощных деревянных балок, здание поначалу служило фортом, а потом стало резиденцией испанского губернатора. Сегодня это музей.

Не помню, в какой день недели мы приехали в Санта-Фе из Галлопа, но у меня сложилось явное впечатление, что это был день выходной: казалось, не работает ровно никто, кроме продавцов в магазинах, торгующих невообразимым количеством китча из области «Дикого Запада», и ресторанов. Кстати, о ресторанах: мы, изголодавшиеся по хоть чему-нибудь более или менее съедобному, словно саранча набросились на совершенно превосходную мексиканскую кухню, которую Санта-Фе предлагает в широчайшем ассортименте. Правда, здесь надо оговориться. То, что русский считает блюдом острым, мексиканец сочтет оскорбительно безвкусным. Попав в Санта-Фе, Ильф и Петров, которым, как и нам, смертельно надоела стандартизированная и донельзя скучная еда Средней Америки, тоже кинулись на еду мексиканскую и... обожглись. Посудите сами:

«Заказали суп, название которого сейчас уже забылось, и какую-то штучку, называющуюся „энчилада“.

Название супа забылось, потому что уже первая ложка его выбила из головы все, кроме желания схватить огнетушитель и залить костер во рту. Что же касается «энчилады», то это оказались длинные аппетитные блинчики, начиненные красным перцем, тонко нарезанным артиллерийским порохом и политые нитроглицерином. Решительно, сесть за такой обед без пожарной каски на голове – невозможно».

Я не мексиканец, но очень люблю острое. Мне подавай соус (сальса) любой остроты, я ем любые чили (перцы), – хоть маленькие, красные атомные бомбы халапеньо, хоть ядерные заряды шнипек, хоть хабанеро, взрывная сила которого намного превосходит тринитротолуол. Вообще обожаю мексиканскую кухню: гуакамоле, который готовят прямо у вашего стола, разрезая и затем в каменной ступке превращая в пюре спелое мясо авокадо, добавив туда мелко нарезанный сладкий лук и помидоры; сочнее, тающие во рту тортильи, энчилады, кесадильи. И, конечно же, все это следует сопровождать замороженной «Маргаритой», от каждого глотка которой стынут мозги, и ты постепенно погружаешься, словно заходящее солнце, за горизонт океана, в мягкие облака небытия...

Кажется, я увлекся.

Создавалось ощущение, что работают только те учреждения, которые обслуживают бесчисленное множество туристов, а они буквально наводняют улочки Санта-Фе.

Вдоль фасада форта-резиденции испанского губернатора – музея истории штата выстроились индейцы, торгующие «народным промыслом» – всякого рода изделиями из серебра, бирюзы и кожи. Сидят они кто на корточках, кто на табуретках у своих выставленных това-

ров, сидят с каменным выражением лица, не зазывают, не «хвалят» свой товар, а ждут, чтобы покупатель сам подошел. И, в общем, не торгуются. Предмет стоит столько-то, не больше, не меньше. У меня сложилось такое впечатление, что вольные сыны прерий не получают никакого удовольствия от торговли. Понятно, они вынуждены приспособиться к миру белого человека, но делают это с чувством некоторой брезгливости.

Проходя вдоль торгового ряда и встречаясь с совершенно безразличными глазами «торговцев», я почему-то вспомнил анекдот о богатом белом американце-туристе, который пришел, словно в зоопарк, в индейскую резервацию. Там он видит индейца, полулежащего под кроной огромного дерева и безучастно смотрящего вдаль.

– Слушай, – говорит турист, – почему ты не хочешь работать?

– А зачем? – нехотя отвечает индеец.

– Как – зачем?! – начинает горячиться турист. – Чтобы заработать деньги!

– А зачем? – все так же отстраненно спрашивает индеец.

– Чтобы заработать деньги!

– А зачем?

– Ну заладил, «зачем, зачем?!» – кипит турист. – Да затем, чтобы заработать много-много денег!

– А зачем?

– Черт возьми, затем, что вложишь деньги в дело и разбогатеешь!

– А зачем?

– Ну как зачем?! Станешь богатым и сможешь отдыхать целыми днями!

Индеец вынимает изо рта кукурузную трубку, которую до тех пор держал зажатой между зубами, выпускает густое облачко белого дыма, смотрит с удивлением и явным сожалением на туриста и говорит:

– А я и так ничего не делаю.

В Санта-Фе индейцев много. Но вовсе нет ковбоев. Зато есть множество американских мужчин возраста среднего и выше, чаще всего пузатых и обеспеченных, которым хотелось бы предстать перед своими разнаряженными и крикливыми дамами именно ковбоем – таким немногословным красавцем, идущим медленно, вразвалку человеком, проводящим большую часть времени в седле, неспешно двигаясь в сторону салуна, где его ждут стопарик виски, не знающие себе равных красавицы, крупная игра в покер и, в конце концов, в полдень, под палящим солнцем, встреча на главной улице города с «плохим парнем», которого он, молниеносно выхватив из кобуры свой верный шестизарядный кольт, метким выстрелом отправит к праотцам.

Именно для них и для их дам существует туристическая индустрия этого города, в котором есть все, о чем только мог бы мечтать каждый, кто тайно, словно Вальтер Митти, видит себя крутым сыном Дикого Запада. Но есть одно место, один магазин в Санта-Фе, перед которым сняли шляпы мы все – Ваня, Брайан и я. Сняли не ковбойские шляпы, а сделали это фигурально. Это как раз был магазин Ковбойских Шляп. Пишу с большой буквы, потому что в нем хозяин – человек в высшей степени колоритный и усатый – торговал не каким-то там ширпотребом, шляпами за тридцать или сорок долларов подозрительного происхождения, а настоящими, сделанными на заказ Ковбойскими Шляпами. Надев такую, даже самый незаметный и в себе неуверенный мужчина превращается в Джона Уэйна. Впрочем, только если он готов потратить от двухсот до двух тысяч долларов за свою шляпу, потому что они делаются из самых лучших материалов.

Как ни сопротивлялся, Ваня добился того, чтобы я сел в кресло, сильно напоминавшее кресла, когда-то украшавшие парикмахерские, и мне на голову надели тяжелый железный предмет, своего рода корону, с помощью которого снимают мерку головы. Потом вы можете

выбрать цвет, материал и украшения для будущей шляпы и, заплатив в среднем девятьсот долларов, стать счастливым обладателем Настоящей Ковбойской Шляпы. Я от этого счастья отказался, но состоялся разговор с хозяином магазина, который сетовал на то, что все больше и больше товаров, которые когда-то делали в Америке, теперь делают в Китае.

– Меня это, черт побери, достает! – выпалил он. – Представляете, что будет, сэр, если ковбойские шляпы начнут делать в Китае??? Да это будет означать конец Америке, понимаете, нет ничего более американского, чем ковбой и все, что к нему относится. Нет, сэр, я этого не потерплю!

Зайди в эту секунду в его магазин китаец, думаю, молниеносным движением выхватил бы хозяин кольт и прогремел бы выстрел: «плохой парень» был бы отправлен к праотцам. Но на самом деле, уже трудно найти в Америке товар, на котором было бы написано «Made in U.S.A.», – сплошь попадаются товары с этикеткой «Made in China».

В общем, глобализация. А проще: если китайскому рабочему, делающему кроссовки «Найки», можно платить двадцать центов в час, а американскому надо платить двадцать долларов, но при этом кроссовки «Made in China» можно продавать в Америке за те же деньги, что и кроссовки «Made in U.S.A.», а это около 180–200 долларов за пару, тут никакой кольт против этого не возразит. Как я уже писал, индейцев больше нет, то есть они есть, но это уже не совсем индейцы, их дни сочтены – как сочтены дни ковбоев. Это совершенно противоречит духу американского патриотизма, но доллар бьет патриотизм с такой же неумолимой логикой, с какой мифологический ковбой отправлял на тот свет «плохого парня».

* * *

Из Санта-Фе наш путь лежал в городок Колорадо Спрингс, где находится Военно-воздушная академия Соединенных Штатов Америки.

Опережая события, хочу особо отметить, что нашей съемочной группе был позволен доступ буквально неограниченный. Готовясь к поездке, наша Алена Сопина написала сотни писем в различные американские организации с просьбой разрешить нам съемки. По существу, мы не получили ни одного отказа, хотя были конкретные люди, которые нам отказывали (в основном известные деятели Голливуда и некоторые политические деятели). Я сомневался, что нам откроют доступ к американским военным базам – и сомневался напрасно. Сейчас же мы держали путь в город Колорадо Спрингс, где находится Академия ВВС США. По пути же нас ожидало торжество американской природы.

Описывать природу дело трудное и неблагодарное: как ни старайся, все равно невозможно передать хоть сколько-нибудь адекватно то, что предстает перед глазами. Да и фотографии, размещенные в книге, дают об увиденном примерно такое же представление, насколько фотография розы дает представление о ее запахе.

Мы въехали в «Окрашенную пустыню». Ильф и Петров писали: «До самого горизонта, подобно штормовому океану, волны которого внезапно окаменели, тянулись гладкие песчаные холмы. Они налезали друг на друга, образовывали гребни и жирные круглые складки. Они были чудесно и ярко раскрашены природой в синий, розовый, красно-коричневый и палевые цвета. Тона были ослепительно чисты».

Все так. И все же почти невозможно передать ощущение, будто ты попал в другой мир, на другую планету. Здесь пропадает всякое желание говорить, будто человеческая речь может нарушить очарование этой бесконечной пустыни, которая ничем пустыню не напоминает – нет дюн, нет вечно перекатывающихся песков, нет меняющихся от часа к часу очертаний – есть застывшая вечность. Но нет, путник скоро начинает понимать, что застывшая вечность не здесь, а чуть дальше. Это Окаменевший лес.

Признаться, я полагал, что Окаменевший лес, о котором я, конечно, слышал, но никогда не видел, представляет собой... ну, как это сказать, словом, лес, который окаменел. Стоит себе и стоит, только не растет, на деревьях нет листьев, а есть лишь окаменевшие стволы и ветки. Поэтому, когда я увидел дорожный указатель «Окаменевший лес», я жадно стал искать глазами лес, который должен был внезапно вынырнуть из пустынной равнины. Но ничего подобного не произошло. Мы въехали на территорию национального заповедника, припарковались у небольшого здания музея, которому было около одного года, когда здесь припарковались чета Адамс и Ильф с Петровым. А Окаменевший лес был здесь, он лежал посреди пустыни у наших ног – окаменевшие стволы деревьев, которые почему-то не разрушились, в которых происходил процесс замены древесины солями, металлами, в результате чего стволы стали тверже мрамора.

Несколько десятилетий тому назад я впервые попал на римский Форум. Стоял знойный августовский полдень, Рим кипел, но почему-то здесь слышалось только пение цикад. Я стоял среди этих сохранившихся руин, испытывая сильнейшее волнение. Не только от того, что здесь ступала нога Юлия Цезаря и Тиберия, Катона-старшего и младшего, не только от понимания того, что здесь проходили торжественные шествия непобедимых войск, что здесь шумела многотысячная толпа, не сомневавшаяся в том, что римский порядок, первенство Рима вечны, но от того, что я остро почувствовал, что вот я откуда родом, вот где мои корни, вот к чему я восхожу. Это был один из самых ярких моментов моей жизни.

А теперь я стоял среди окаменевших стволов, которым было сто пятьдесят миллионов лет! Это непостижимо. Сто пятьдесят миллионов. И кругом – на сотни и сотни километров – пустыня и полнейшая тишина. Такая тишина, что как-то неловко заговорить. Даже Иван Ургант если и говорит что-то, то полусшепотом.

Отколовшиеся кусочки стволов необыкновенно красивы, они переливаются всевозможными оттенками красного, розового, синего и коричневого, то и дело в эту гамму врываются жилки аквамарина, изумрудного и янтарного цветов. Велик соблазн взять кусочек на память, хотя это строгойше запрещено. Тем не менее, как нам сказали в музее, ежегодно туристы уносят отсюда не меньше тонны окаменевших осколков на память, а иные затем бойко ими торгуют – кстати, еще в Санта-Фе на прилавках индейцев лежали полированные образцы этой уникальной природы.

Побродив среди того, что можно было бы назвать не древностью или античностью, а временем, когда еще не было на Земле рода человеческого, мы поехали дальше.

Заночевали в очередном мотеле, таком же, как десятки и сотни других, в которых мы ночевали прежде, или мимо которых проехали, а утром, все еще потрясенные дивной красотой и мощью природы, поехали посмотреть на Гранд Каньон.

Позвольте загадку: что имеют между собой общего картина Леонардо да Винчи «Ла Джоконда» и Гранд Каньон? А то, что их изображения в виде миллионов открыток, фотографий и монографий, наклеек на спичечных коробках, татуировок на разных участках тела и прочего и прочего даже приблизительно не способны передать величие и красоту оригинала.

«Представьте себе вот что. Берется громадная горная цепь, подрезывается у корня, поворачивается вершинами вниз и вдавливаются в ровную, покрытую лесами землю. Потом она вынимается. Остается как бы форма горной цепи. Горы – наоборот. Это и есть Гранд Каньон – Великий каньон, гигантские разрывы почвы.

На горы надо смотреть снизу вверх. На каньон – сверху вниз. Зрелище Гранд Каньона не имеет себе равного на земле. Да это и не было похоже на землю. Пейзаж опрокидывал все, если так можно выразиться, европейские представления о земном шаре. Такими могут представиться мальчику во время чтения фантастического романа Луна или Марс. Мы долго простояли у края этой великолепной бездны. Мы, четверо болтунов, не произнесли ни слова.

Глубоко внизу проплыла птица, медленно, как рыба. Еще глубже, почти поглощенная тенью, текла река Колорадо».

Помните, как в «Мастере и Маргарите», находясь на Воробьевых горах высоко над Москва-рекой, Бегемот свистнул, после чего Коровьев снисходительно заметил: «Свистнуто, не спорю, действительно, свистнуто, но если говорить беспристрастно, свистнуто очень средне?!»

Так вот, у Ильфа с Петровым тоже «свистнуто», но и у них «свистнуто» очень средне. К сожалению, я, как и незабвенный Бегемот, не регент, не Коровьев я, чтобы свистнуть так, чтобы пред вашими глазами предстало то, что мы увидели. Конечно, можно вообразить себе слепок от вдавленной в землю горной цепи, но это больше описание технического приема, чем реальная картина. Скажу только, что, после того, как мы постояли на краю каньона, потрясенные этим зрелищем, мы отправились на вертолетную станцию, где еще раз убедились во всеохватности американского сервиса. Вошли в небольшое, уютное здание, в котором туристу предлагают все – от бесчисленных сувениров до полета-экскурсии над каньоном. Заплатили за четыре билета (оба оператора, Ваня Ургант и я) и вы 102 шли на вертолетную площадку. Там нас ждал летчик – субтильный блондин, которому от силы можно было дать лет 18.

– О'кей, джентльмены, – приветствовал он нас, – прошу сюда для групповой фотографии.

Мы выстроились вдоль вертолета, откуда-то мгновенно вынырнул фотограф, сделал свое дело и исчез.

– Пара советов, джентльмены, – ослепительно улыбаясь, сказал летчик. – Вот это, – он показал на дверь, – ручка. Если поднять ее вверх, дверь запирается, если повернуть вниз – дверь откроется. Хоть вы и будете пристегнуты, но во время полета не советую это делать. А вот это, – он показал на красный штырь, – аварийный кран. Нажмешь и дверь целиком отвалится. Трогать это не следует. Был случай, один тронул, до сих пор не можем найти его останков, – сказал и снова весело рассмеялся.

Сели – полетели. Под нами довольно редкие деревья, в основном хвойные, между ними красноватые разрывы земли. Так и летим, минут пять и вдруг – как будто провалились, нет, не мы, как будто провалилась земля, ушла от нас куда-то далеко-далеко. Под нами бездна, она образовалась мгновенно за кромками стоящих на самом краю каньона деревьев. Вертолет стремительно идет вниз, потом резко вверх и несется прямо на изрешеченную, всю в морщинах глыбу стены, все ближе, ближе, резкий вираж, и мимо нас проплывают причудливые, сделанные, как кажется, руками обезумевшего ваятеля, каменные торосы – желтые, красные, фиолетовые, синие. Там, далеко внизу, чуть отбрасывает блики солнца река Колорадо, она кажется не шире нитки.

Летчик продолжает весело рассказывать какие-то небылицы, а на мой вопрос, давно ли он занимается этим делом, отвечает:

– Нет, сэр, это мой второй день за штурвалом, – и вновь беззаботно хохочет.

Зрелище незабываемое. Иногда оно снится мне.

* * *

Вернувшись на станцию, обнаруживаем, что наше фото готово. Хотите купить? Пожалуйста, двадцать долларов за штуку. Не хотите? Тоже пожалуйста, надеемся, вам все понравилось. Никакого нажима. Сервис, притом совершенно неназойливый.

Еще до полета я взял интервью и у одного из рейнджеров (так называются работники этого громадного национального парка, занимающего сотни квадратных километров). Их дело – защищать природу от миллионов туристов, которые приезжают сюда каждый год, и, в случае необходимости, оказать помощь тем, кто попал в беду. Это в основном люди молодые, страстно

преданные своему делу. «Мой» рейнджер была милостивая девушка лет двадцати двух, которая с гордостью сообщила:

– Вы здесь не найдете ни брошенного окурка, ни бумажки или банки из-под кока-колы.

У нас с этим строго, да и сами люди ценят эту красоту.

– Ну, а если все-таки вы увидите, что кто-то мусорит? Как поступите? Сбросите в каньон? Девушка улыбается.

– Нет, сэр, оштрафуем на тысячу долларов.

– А как быть с теми, кто хочет унести камешек или веточку на память?

Рейнджер делает страшное лицо.

– Этого никто в своем здравом уме не делает. Иначе его будет преследовать кикимора каньона.

Я удивленно поднимаю брови.

– Да-да, сэр, этот унесенный кусочек принесет несчастье, мы это знаем точно, бывали случаи, когда мы получали посылки или конверты с камешком или еще с чем-то отсюда и запиской: «С тех пор, как я увез это, у меня сплошные неудачи, ничего не получается, плохо с работой, от меня жена ушла, возьмите это назад». Так что, не советую, сэр.

Она явно гордилась своей работой, своим каньоном. Национальные парки – нечто сродни нашим заповедникам – представляют собой предмет гордости и любви американцев. Это – вне всякого сомнения. Чем же это не конкретное и, на мой взгляд, очень привлекательное выражение патриотизма?

* * *

И еще одно чудо природы, о котором невозможно не сказать: небо. Именно здесь, на северо-западе Америки. Оно необычайно высоко, и по нему плывут облака такой красоты, что хочется, как в детстве, прыгать и кричать от какой-то необъяснимой радости. По пути в Колорадо Спрингс мы остановились на обочине прямой, как стрела, дороги и, задрвав головы вверх, простояли минут сорок, глядя, как заходящее солнце красит облака в цвета от пурпура до коралла, а операторы, найдя «точку», снимали это для вашего, зрители, наслаждения.

* * *

Ранним утром мы прибыли в Академию ВВС США. Здесь готовится элита военно-воздушного состава Америки – элита в самом прямом смысле этого слова. Вот несколько, пусть очень разных, подтверждений сказанного:

– Для поступления в Академию, помимо рекомендации школы, необходима рекомендация сенатора вашего штата; исключение делается для тех, чей отец является выпускником Академии или военным летчиком (можно отставным). Разумеется, это совершенно не освобождает от конкурсных экзаменов.

– Все новобранцы (первокурсники) обязаны передвигаться по гигантскому плацу, вокруг которого расположены учебные корпуса и общежития Академии, только бегом, поворачиваясь только под прямым углом, неся свои битком набитые рюкзаки перед собой на руках, а не на спине.

– Каждый новобранец обязан убрать свое спальное место так, чтобы проверяющий – один из старшекурсников, надевший белые перчатки, – не обнаружил пылинки.

– Каждый новобранец, придя в столовую, обязан весь обед просидеть по стойке «смирно».

Когда я спросил старшекурсника, сидевшего рядом с таким проглотившим аршин парнишкой лет 18-ти, зачем это надо, он ответил:

– Мы – будущие офицеры, мы обязаны уметь вести себя за столом, не сутулиться, подносить ложку и вилку ко рту, а не опускать голову в тарелку, мы будем представлять Соединенные Штаты Америки, сэр, и нам это не должно быть безразлично.

Два слова о столовой. Это гигантское помещение, в котором одновременно рассаживаются чуть более четырех тысяч человек. Дело организовано так, что они успевают пообедать за 20 минут – невольно вновь перед мысленным взором предстает образ сухошавого высоченного Генри Форда, отца не самого конвейера, а его рационального использования: не кадеты выстраиваются в длинные очереди с подносами в руках, чтобы им накладывали еду, а, напротив, они сидят за столами, а их обслуживают «официанты», подкатывающие высоченные тележки, нагруженные уже полностью сервированными подносами. Кормят обильно – тут тебе и разные салаты, и выбор из двух вторых, и мороженое. Кадеты не очень довольны едой, но те члены нашей съемочной группы, которые служили в рядах Советских или Российских Вооруженных сил, только тихо вздыхали и смотрели с завистью на эти деликатесы.

Нас, конечно, сопровождали в течение всего дня, но не отказывали ни в чем. Кое-что организовали для нас, но это было то, о чем мы заранее просили, или же нечто такое, что отвечавшие за наше посещение посчитали для нас интересным. Например, класс изучения русского языка.

Изучают русский язык, как вы понимаете, не из любви к лингвистике или желания прочитать Достоевского в оригинале: Россию все еще видят потенциальным противником.

Класс состоял из человек двадцати, которым было предложено преподавателем – женщиной средних лет, отлично говорившей по-русски – задать мне вопросы. Первый вопрос прозвучал так:

– Что вам понравится в Америку... в Америке?

Я стал отвечать очень медленно, четко выговаривая самые простые слова, избегая сложных предложений. Все равно поняли меня не все. Вообще, процесс задавания вопросов был мучительным до зубной боли. Следует помнить, что эти скудные познания были результатом девяти месяцев занятий, – если эти ребята после такого срока обучения летают так же, как говорят по-русски, у ВВС США серьезные проблемы.

Несколько штрихов, оставивших след в памяти:

– Женщины учатся здесь наравне с мужчинами. Их гораздо меньше, но вполне достаточно, чтобы быть замеченными. Несколько лет назад разразился громкий скандал в связи с изнасилованиями кадеток, – последовало правительственное расследование, увольнения, но количество женщин, желающих учиться на военного летчика, не изменилось. Было установлено несколько «горячих» линий, телефонов доверия. Как говорят, сегодня проблем нет – понятно, что за один день пребывания в Академии не было возможности убедиться в том, что это так или не так. Но когда я спросил у одной из кадеток о принятом ею решении, она сказала:

– Знаете, мне все сказали, что я сошла с ума.

Я пыталась объяснить им, что хочу летать, что хочу служить своей стране, а понял меня один-единственный человек, все остальные так ничего и не поняли.

Мы сидели за одним из столов в зале библиотеки Академии – огромном, очень светлом помещении – и разговаривали с кадетами. Здесь учатся четыре года, и среди собеседников были представлены все – от «салаг» до выпускников. Вот некоторые ответы кадетов на мои вопросы:

– Почему я решил учиться здесь? Потому что обожаю скорость, мечтаю летать на этих красивых машинах.

– Думал ли я о том, что мне, возможно, придется убивать? Думал, конечно. Очень надеюсь, что не придется. Но если кто-то будет угрожать моей стране, моим любимым... Я давал присягу, сэр, и я ее исполню.

– Муштруют ли нас? Можно сказать, да, муштруют. Семь шкур спускают, особенно с нас, первогодков. И правильно делают. Это ведь происходит до присяги, и нам надо понять, мы действительно хотим учиться здесь, или нет? Есть время подумать, передумать. Бить? Нет, сэр, никакого рукоприкладства быть не может, но за нарушение дисциплины заставят отжаться столько раз – мало не покажется.

– Для меня служить моей стране – миссия почетная. Защищать демократию и свободу в мире – это наш долг. Я считаю, что меня Бог избрал для этой цели.

– Война в Ираке? Это дело политиков. Наше дело выполнять приказы. Любые? Нет, сэр, если приказ покажется мне противоречащим существующим законам и порядкам, я имею право не выполнять его.

Позже, разговаривая с преподавателем-полковником ВВС, я спросил его, так ли это, и получил подтверждение: никто не обязан выполнять преступный приказ. Спросил я его и об отношении к войне в Ираке:

– Не опасаетесь ли вы того, что точно так же, как неудача во Вьетнамской войне сильно навредила престижу Вооруженных сил США даже в самой Америке, неудачная война в Ираке возымеет такое же действие?

Полковник молча посмотрел на меня секунд десять и ответил:

– Сэр, я предпочел бы оставить ваш вопрос без внимания.

Что ж, все справедливо. Я имею право задавать любой вопрос, а он имеет такое же право не отвечать на него.

На территории Академии находится и храм. Это гигантское здание, увенчанное четырнадцатью башнями. Словом, смесь Диснейленда с Хогwartом Гарри Поттера. Смотришь на этот разгул архитектурной фантазии и не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. Все-таки китч, хоть и не американское слово, но явление, дорогое американскому сердцу. Китч проникает во все, даже в облик церквей. Но вместе с тем: этот храм многоконфессионален, он открыт не только для христиан, но и для иудеев и даже мусульман. Вдумайтесь: тот или иной конкретный храм всегда служит только одной конкретной религии, то есть по определению разделяет верующих, а здесь все наоборот, храм открыт для всех, он людей объединяет, хотя это противоречит канонам. Не поклоняться неразумному канону столь же американская черта, как любовь к китчу.

Уезжали мы из Академии в задумчивости. «Сержант» ВДВ Артем Шейнин был явно под впечатлением увиденного. Брайан Кан из Монтаны высказал явное удовольствие от увиденного, тем, насколько откровенно разговаривали с нами, несмотря на сугубо военный характер места пребывания. Я тоже должен признать, что уровень рассуждений кадетов и офицеров, общий дух Академии, явное чувство гордости, которое испытывают будущие летчики, не только то, что они говорят, но как они это говорят – все это было для меня неожиданным.

Единственное, что посеяло тревогу в моем сердце, были слова молодого офицера, сказавшего, что его для защиты свободы и демократии в мире выбрал сам Господь. Боль ли разница между таким убеждением и верой мусульманского экстремиста в том, что если он взорвет автобус, набитый женщинами и детьми «неверного», его будет ожидать в раю сам пророк и сорок девственниц.

Глава 9

Bye-bye, love...

Не могу удержаться от соблазна процитировать Ильфа и Петрова:

«Наконец впереди появились огоньки Лас-Вегаса».

Ключевым здесь является слово «огоньки». Сразу понятно, что они ехали-ехали, стемнело и вот вдали показались огоньки, а раз огоньки, значит они вот-вот должны были въехать в очередной маленький городок.

Это было написано до того, как они провели целый день в городке Боулдер-сити, точнее, на близком к завершению строительстве «величайшей в мире плотины Боулдер-дам на реке Колорадо». Это, как они писали, «чудо техники», произвело на них неизгладимое впечатление. Там же они встретились с инженером Томсоном, «одним из немногих американских инженеров, получивших от советского правительства орден Красного Знамени». Как вы понимаете, советское правительство наградило американского инженера Томсона не за строительство Боулдер-дам. Его наградили за важнейшую роль в строительстве Днепропетровской ГЭС. Сегодня это страница забытая, она не фигурирует в учебниках истории России, но факт остается фактом: американские инженеры и рабочие сыграли важную роль в строительстве целого ряда гигантов советской индустрии, в том числе Сталинградского тракторного завода и Горьковского автомобильного завода. Эти люди приехали работать в СССР не в погоне за длинным рублем, а по сугубо идеологическим причинам: они хотели участвовать в строительстве первой страны социализма. Когда пошла волна сталинских репрессий, кое-кого посадили, кое-кого расстреляли, кое-кому удалось уехать. Но это был еще 1935 год, оставалось два года до тридцать седьмого, и розовые мечты о первом в мире государстве рабочих и крестьян еще были наполнены глубоким смыслом.

Эта глава «Одноэтажной Америки» – одна из самых политических. Пересказывая свой разговор с Томсоном, Ильф и Петров выражают удивление и даже возмущение, что в Америке никто не знает имен строителей плотины Боулдер-дам, знают лишь названия компаний, участвовавших в этом деле, например «Дженерал Электрик». В СССР, говорят они, имена строителей известны всей стране. Словом, с Томсоном у них возникает идеологический спор, и в конце главы они пишут:

«Слава в этой стране начинается вместе с паблисити. Паблисити же делают человеку только тогда, когда это кому-то выгодно».

Кто пользуется в Америке действительно большой, всенародной славой? Люди, которые делают деньги, или люди, при помощи которых делает деньги кто-то другой. Исключений из этого правила нет. Деньги! Всенародную славу имеет чемпион по боксу или чемпион по футболу, потому что матч с их участием собирает миллион долларов. Славу имеет кинозвезда, потому что ее слава нужна предпринимателю. Он может лишиться ее этой всенародной славы в ту минуту, когда этого ему захочется. Славу имеют бандиты, потому что это выгодно газетам и потому что с именами бандитов связаны цифры с большим количеством нулей.

А кому может понадобиться делать славу Томсону или Джексону, Вильсону или Адамсу, если эти люди всего только строят какие-то машины, электростанции, мосты и оросительные системы! Их хозяевам даже невыгодно делать им славу. Знаменитому человеку придется платить больше жалованья».

Я привел эти слова вовсе не для того, чтобы вступить в диспут с моими любимыми авторами, которые когда-то поразили меня тем, насколько тонко и точно они почувствовали Америку, несмотря на то, что приехали туда впервые и не знали английского языка. Тяжело говорить об этом, но мне кажется, что Ильфу с Петровым повезло, что они не успели увидеть,

во что в конце концов превратилось первое в мире рабоче-крестьянское государство. Что до приведенной мною их оценки – она, как мне кажется, не лишена оснований...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.